

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛ
ЛИТЕРАТУРЫ
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XLIII г.

№ 20

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годѣ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содѣрж. соч. Н. Г. Помяловскаго, А. И. Куприна, А. А. Фета и Оскара Уайльда, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложенийъ, 12 №№ „Парижскихъ Модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 19-го мая 1912 г.

Подписная цѣна съ дост. и перес. на $\frac{1}{2}$ года 4 р., на $\frac{1}{4}$ года 2 р.

Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

г. XLIII

1912

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій А. А. Фета“ кн. 3.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1912 г.

Г. Зеегеръ. Встрѣча.

Избалованный.

Веселая повесть въ духѣ времени.

Ал. Лугового.

(Продолжение).

IV.

Давидъ, давъ Володѣ спуститься съ террасы въ садъ, направился въ столовую. Черезъ нѣсколько минутъ онъ прошелъ обратно въ сопровождѣніи горничной Липы,—онъ несъ вазы съ фруктами и конфетами, она — подносъ съ салфетками, ножами и тарелками.

И опять въ самыхъ дверяхъ ему встрѣчка: изъ сада входили въ гостиную Котя и Маня. Они искали уединенія, и какъ только издали завидѣли, что всѣ уходятъ въ садъ, они по другой аллѣѣ вернулись въ домъ.

Котя остановилъ теперь Давида и Липу и, обрадованный, обратился къ Манѣ:

— Вотъ чудесно. Чѣмъ прикажете угостить васъ, Марья Павловна?

Маня равнодушно взглянула на вазы:

— Все равно. Немного конфетъ.

Котя взялъ тарелочку и салфетку, осмотрѣлъ конфеты и не рѣшается:

— Какихъ вамъ?

Маня выбрала сама:

— Благодарю васъ.

Давидъ и Липа ушли, Котя и Маня сѣли: она на диванъ, онъ — на кресло около нея.

И вотъ Котя смотритъ на Маню настойчивымъ взглядомъ, точно гипнотизируетъ ее, и съ нѣкоторымъ паѳосомъ серьезно говоритъ ей:

— Нѣтъ, вы скажите-таки мнѣ, почему вы думаете, что я неискрененъ.

Маня опустила глаза, но лицо ея спокойно-просто, слова звучать немного грустно:

— Не знаю. Мнѣ такъ кажется. Мнѣ кажется, что вы думаете обо мнѣ: вотъ глупая институтка, иле оie, которой что ни скажи — она повѣрить.

Котя чуть-чуть возмутился:

— Вотъ это и есть плоды институтскаго воспитанія! Держать вдали отъ жизни и пріучають бояться жизни, учить никому не довѣрять.

— О, нѣтъ! Насъ этому не учили. Я учусь этому теперь, по выходѣ изъ института... Я не буду защищать систему нашего воспитанія, но, право, она совсѣмъ не такъ плоха, какъ о ней говорятъ. Принято нападать на нее, и всѣ нападаютъ. Я не вынесла изъ института ничего худого. Институтъ не помѣшалъ мнѣ остаться самой собой. Да и вообще всѣ люди сами по себѣ. Мы съ Музой одинакового воспитанія, двоюродныя сестры, а разѣмы похожи другъ на друга?

Теперь Маня подняла глаза и посмотрѣла въ лицо Коти пристальнымъ взглядомъ.

Онъ отвѣтилъ ей нѣжно-покорнымъ взглядомъ увѣренного въ себѣ влюбленнаго и сказалъ:

— Вотъ потому-то меня и влечетъ къ вамъ, а не къ ней.

Маня, продолжая смотрѣть на него, немного помолчала. Потомъ, съ улыбкой, съ мягкой ироніей, съ наивнымъ безсердечіемъ, подзадоривала его:

— Къ ней вамъ не съ чѣмъ и подойти. Она — кого ей нужно, сама позоветъ.

Котя слегка сдвинулъ брови и уже болѣе сухо произнесъ:

— Оставимъ Музу Андреевну звать кого ей угодно,—вернемся къ намъ самимъ. Итакъ, вы находите, что я неискрененъ, когда говорю, что вы представляетесь мнѣ дополненіемъ моего „я“: такой же частью „М“ въ моей душѣ, какую замѣняетъ въ ней часть „Ж“, недостающая душѣ вашей. И я продолжаю утверждать, что въ нашихъ душахъ, вашей и моей, элементы мужской и женской сочетались какъ разъ въ такихъ пропорціяхъ, что при соединеніи чашихъ душъ получится изъ различныхъ четырехъ дробей одно полное „М“ и одно полное „Ж“. Въ результатѣ подная гармонія.—И, опять посмотрѣвъ Манѣ въ глаза нѣжно-покорнымъ

взглядомъ, онъ сказалъ: — Почему же я долженъ быть неискрененъ, чувствуя это?

Маня улыбнулась:

— Да потому, что я-то не чувствую этой гармоніи. Значитъ — вы не дополненіе къ моей душѣ.

Котя горячо возразилъ:

— Совсѣмъ „не значить“. Что вы не „чувствуете“ — это можетъ быть, — но это только потому, что вы меня еще не разглядѣли. А разглядите, почувствуете, и тогда... тогда...

Маня не дала ему придумать, какъ выразить то, что ему хотѣлось сказать, она прервала его, и ея голосъ и выраженіе лица ея ясно говорили, что она задаетъ не праздный вопросъ:

— Ну, а представьте, что я искренно почувствую, что нашла — не въ васъ, а въ другомъ — дополненіе къ своимъ „М“ и „Ж“, а мое „дополненіе“ не разглядѣть меня. Въ какомъ положеніи очутимся тогда мы всѣ?

Котя начиналъ досадовать на ея упорство и на свою неудачу. Чтобы скрыть это, онъ изобразилъ на лицѣ комическое недоумѣніе и развелъ руками:

— Тогда?.. Тогда получится такъ называемая драматическая коллизія.

— Чѣмъ такое драматическая коллизія?

Котя началъ запутанно объяснять.

Изъ сада на террасу поднимались въ это время Россинъ и Муза. Генераль взялъ со стола на террасѣ свою фуражку, а Муза, какъ вошла, прямо къ Манѣ:

— Мы тебя вѣздѣ ищемъ. Мы съ папой уходимъ, пойдемъ.

Манѣ какъ-будто стало жаль уйти:

— Такъ скоро?

Но генераль ласково подтвердилъ:

— Пора, милочка, пора! Не надо надѣдать хозяевамъ. Раньше Нина Михайловна звала всѣхъ насъ на чашку чаю, такъ еще успѣешь и ты наговориться съ Константиномъ Антоновичемъ. Теперь онъ извинитъ меня, что я отнимаю у него даму. Иди, простись съ хозяевами.

Маня встала, а за нею всталъ и Котя. Онъ посмотрѣлъ на Маню, потомъ на генерала, какъ бы желая угадать ихъ настроение, и съ особенной любезностью сказалъ:

— А я, если позволите, пойду проводить васъ до вашей дачи.

Муза поморщилась, но генералу это понравилось:

— Прекрасно.

И Котя пошелъ съ Маней, чтобы тоже проститься съ хозяевами. Генераль сказалъ ему вслѣдъ:

— Владимиръ Ильичъ пошелъ искать Маню и васъ по аллеямъ, такъ вы аукните ему, чтобъ онъ зналъ, что вы нашли.

— Хорошо, аукнемъ.

Какъ только Муза осталась съ отцомъ наединѣ, она мгновенно перемѣнилась. Глаза заблестѣли, въ голосѣ дрожь, раздраженіе:

— Это просто неприлично, папа, какъ ты себя ведешь! Недостойно твоего положенія и возраста.

Выразительность ея негодующей рѣчи усиливалась еще тѣмъ, что она, боясь быть услышанной изъ сосѣднихъ комнатъ, оглядывалась по сторонамъ, отодвигалась отъ дверей и тщетно сдерживала себя, чтобы говорить полуслогомъ.

Генераль, напротивъ, сталъ еще мягче, нѣжнѣе:

— Да что я сдѣлалъ, Музочка, что ты сердишься?

— Ничего особенного не сдѣлали. Все поведеніе ваше неприлично. Вы ухаживаете за Ниной Михайловной на глазахъ у всѣхъ такъ, что смотрѣть противно.

Генераль тоже оглядывается на всѣ двери и сдерживаетъ свой голосъ:

— Полно, полно, Музочка. Тише.

— Ахъ, оставьте! Я двадцать четыре года слушаю это: Музочка, тише! Музочка, потише!

— Ну, да, да... Успокойся, милая.

И, поднимая немного брови и плечи, какъ знакъ недоумѣнія, генераль съ сомнѣніемъ и нѣкоторымъ сокрушеніемъ говорилъ:

— Не можетъ быть, чтобы я ухаживалъ неприлично. Я еще портупей-юнкеромъ умѣлъ прилично ухаживать. Во всѣхъ оберъ-офицерскихъ чинахъ ухаживалъ удачно. Отъ покойницы-матери твоей никогда ни одного упрека не слыхалъ. Да и ты прежде...ничего... Нѣтъ тутъ что-то не такъ.

Муза рѣшительно отрѣзала:

— Все, чтѣ я говорю, не можетъ быть „не такъ“! Неужели вы думаете, что Нина Михайловна пойдетъ за васъ замужъ?

Генераль немного обидѣлся, выраженіе лица его, сохрания нѣжность, приняло оттѣнокъ грусти:

— А отчего бы и нѣтъ?

Муза вздохнула вздохомъ отчаянія:

— Охъ!.. Нѣтъ, въ винтъ по маленькой вы играете гораздо лучше, чѣмъ въ игру жизни на крупныя ставки!

— Не сердись, Музочка, но ты неправа

— Неправы вы, только мѣшай мнѣ, когда у васъ нѣтъ серьезной надежды выиграть свою партію.

— Ты противорѣчишь самой себѣ, Музочка. Если ты увѣренна, что Нина Михайловна не пойдетъ за меня, такъ, значитъ, я и не помѣшаю твоимъ видамъ на ея Володю. А я, въ свою очередь, меньше вѣрю въ то, что онъ женится на тебѣ, чѣмъ въ то, что Нина Михайловна будетъ твоей мачехой. Подадимъ другъ другу руки и... посмотримъ, кто выиграетъ раньше.

Муза на минуту задумалась. Потомъ рѣшительно сказала:

— Хорошо. Посмотримъ. Но помните, что вы должны будете уступить мнѣ дорогу и отказаться отъ Нины Михайловны, когда увидите, что Володя — мой. Моя ставка значительно крупнѣе вашей.

Генераль разнѣжничался еще болѣе:

— Я докажу тебѣ, Музочка, мою отцовскую любовь! Да, я уступлю!.. Но знай, что ради тебя я лишаюсь того луча счастья, который мнѣ блеснетъ, быть-можетъ, именно здѣсь въ послѣдній разъ въ жизни. Я чувствую, что полюбилъ Нину Михайловну...

Муза съ усмѣшкой посмотрѣла на него и прервала его признаніе:

— Скажите, какая сентиментальность!.. — И потомъ внушительно произнесла: — Да вы поймите вотъ что: вашъ бракъ съ Ниной Михайловной совсѣмъ лишаетъ меня возможности стать женой Володи. А когда я выйду за него, такъ вы устраиваетесь съ нею, какъ хотите. Вы оба — люди съ опредѣленнымъ положеніемъ, съ прожитой жизнью. Ничто и никто вамъ не помѣшаетъ любить другъ друга... и я всего менѣе. Понимаете?

Генераль нѣкоторое время смотрѣлъ на нее, не понимая. Потомъ, просвѣтленный, взялъ ее за подбородокъ и ласково-ласково произнесъ:

— Дай я поцѣлую твой умный лобикъ.

И поцѣловалъ.

Внизу у террасы послышались голоса.

Генераль принялъ серьезный видъ:

— Слышишь, идутъ. Двинемся.

Муза отвѣтила:

— Идемъ.

Они вышли на террасу, спустились въ садъ. И тамъ, уже на ступенькахъ, попрощались съ подошедшими сюда хозяевами. Потомъ Нина Михайловна и Пенинскій поднялись на террасу, и отсюда Нина Михайловна еще разъ сказала вслѣдъ уходящимъ:

— До свиданья, генераль, до свиданья, mes ch閞ies!

Потомъ обратилась къ сыну, оставшемуся еще внизу и говорившему съ Котей и барышнями:

— Володя, проводи же и ты барышень... До свиданья! До вечера...

Володя оттуда отвѣтилъ:

— Да, мама, мы проводимъ ихъ. И Елена Антоновна съ нами.

Кланялся уходящимъ и Пенинскій.

Потомъ онъ и Нина Михайловна вошли въ гостиную. Бѣгло оглянулись по сторонамъ, протянули другъ другу обѣ руки и вотъ уже стоять и любовно смотрѣть въ глаза другъ другу. И Нина Михайловна, какъ-то радостно, ритмически покачивая изъ стороны въ сторону головой, точно отстраняя что-то мѣшавшее и еще не совсѣмъ свалившееся, страстнымъ голосомъ говорить ему:

— Enfin seuls! Какъ я ждала этого момента! Какъ я соскучилась о васъ, Тоня!

Пенинскій ласково смеется ей:

— Со вчерашняго вечера?

Она такъ же ласково поправляетъ его.

— Со вчерашняго дnia.

Онъ слегка обнялъ ее за талию, она склонилась головой къ нему на плечо, и тихо пошли къ дивану. Пенинскій почтительно и нѣжно прильнуть къ ея рукѣ долгимъ поцѣлуемъ.

VII.

Вечеромъ того же дня въ саду около китаевскаго дома, на чугунной скамейкѣ, полковникъ Ивановъ велъ интимную бесѣду съ Иваномъ Федоровичемъ. Вечерь и мѣсто располагали къ поэзіи. Между высокими липами и березами раскинулись кусты сирени и орѣшника, цвѣточные клумбы, широкія дорожки. Съ одной стороны на вершины кустовъ падалъ издали широкимъ красноватымъ пятномъ свѣтъ изъ оконъ дома, на другой — гдѣ слабо, а тѣмъ яркимъ лучомъ пробивался сквозь вѣтви деревьевъ свѣтъ стоявшей въ зенитѣ луны. Тепло и тихо. Изъ дома слышатся звуки рояля: самъ именинникъ, по просьбѣ барышень, играетъ ноктюрнъ собственного сочиненія.

Но Павлу Трофимовичу не до поэзіи. Въ послѣдніе дни газеты приносили все тревожныя извѣстія о все продолжавшихся сенаторскихъ ревизіяхъ. Павель Трофимовичъ за время своей службы въ интендантствѣ скопилъ-таки „малую толику“. Но онъ дѣйствовалъ всегда съ большой осмотрительностью и оказался благоразуменъ до конца: какъ только кончилась японская война, онъ, пользуясь предлогомъ полученной на войнѣ контузіи, тогда же вышелъ въ отставку и повелъ скромный образъ жизни на пенсію. Капиталы свои хранитъ частью въ процентныхъ бумагахъ въ банкѣ, частью при себѣ. Теперь, вдругъ забоявшись, что и онъ подвергнется обыску, онъ спѣшилъ ищетъ, кому бы дать въ надежныя руки и за хорошие проценты денегъ подъ векселя, а процентные бумаги — подъ расписки „на храненіе“, съ тѣмъ расчетомъ, разумѣется, что „хранитель“ воспользуется ими для залоговъ и за „право храненія“ заплатить дороже, чѣмъ за самую ссуду подъ залогъ. Векселя и расписки легче вѣдь скрыть отъ ревизующихъ глазъ, чѣмъ процентная бумага, и часть своего капитала Ивановъ уже кое-гдѣ пристроилъ. Но, вслѣдствіи прибѣднивается, онъ не можетъ отдавать помногу въ однѣ руки. И теперь онъ ухаживаетъ за Молодцыгінымъ, чтобы, пользуясь его торговыми связями, найти себѣ подходящихъ „клиентовъ“. Но въ фамильярности этого ухаживанья все же иногда прорывается „полковникъ“, еще недавно имѣвшій власть надъ „кущами“.

— Другъ мой, Иванъ Федоровичъ, — ласково говорить онъ теперь Молодцыгину: — много я перевидалъ вашего брата, купца и дѣльца — хорошихъ много, — но къ вамъ какъ-то вотъ сразу особое довѣріе почувствовалъ.

Молодцыгинъ лукаво прищурился:

— Обманетесь... Охъ, обманетесь!

Ивановъ потрепалъ его по плечу и его же тономъ, лукаво-шутливымъ, убѣжденно возразилъ:

— Шутите. Не проведете, нѣть-съ! Я человѣка сразу постигаю. Про меня, еще когда я въ полку служилъ, солдаты говорили: „Капитанъ Ивановъ на три аршина въ землю видитъ“. Да-съ. Не притворяйтесь, не обманете: вы человѣкъ добросовѣстный, искренній, и на ваше слово положиться можно.

Молодцыгинъ о чёмъ-то вздохнулъ и почему-то точно съ сокрушеніемъ произнесъ:

— Весьма возможно, что и такъ... Мнѣ-то незамѣтно, а со стороны виднѣе. Вотъ и покойный мой хозяинъ Илья Максимовичъ этакъ же говорилъ.

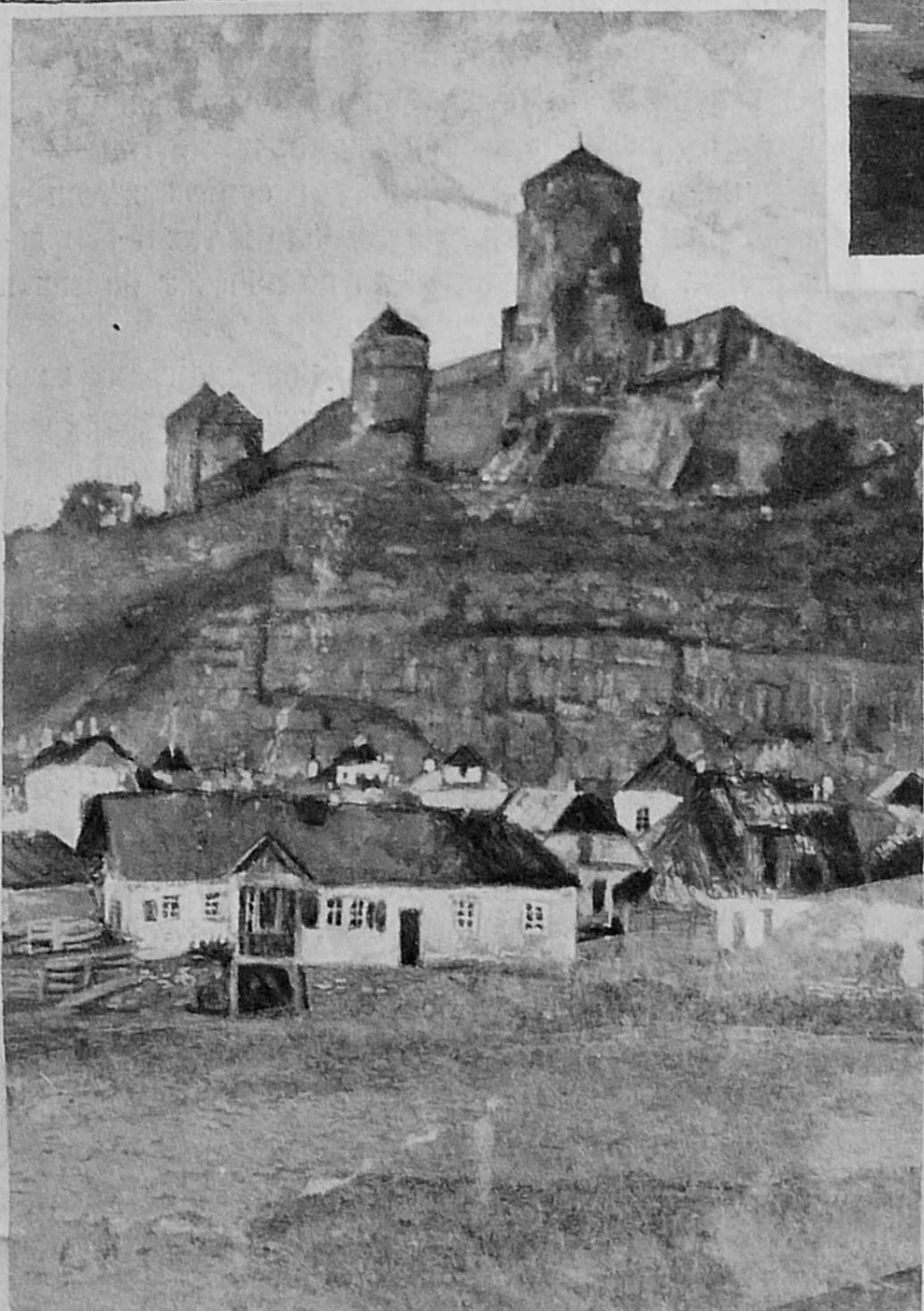
— То-то же. Не назначилъ бы онъ васъ душеприказчикомъ, если бъ не былъ въ васъ увѣренъ. Человѣкъ-то, всѣ говорятъ, мудрый былъ.

Молодцыгинъ съ спокойнымъ достоинствомъ подтвердилъ:

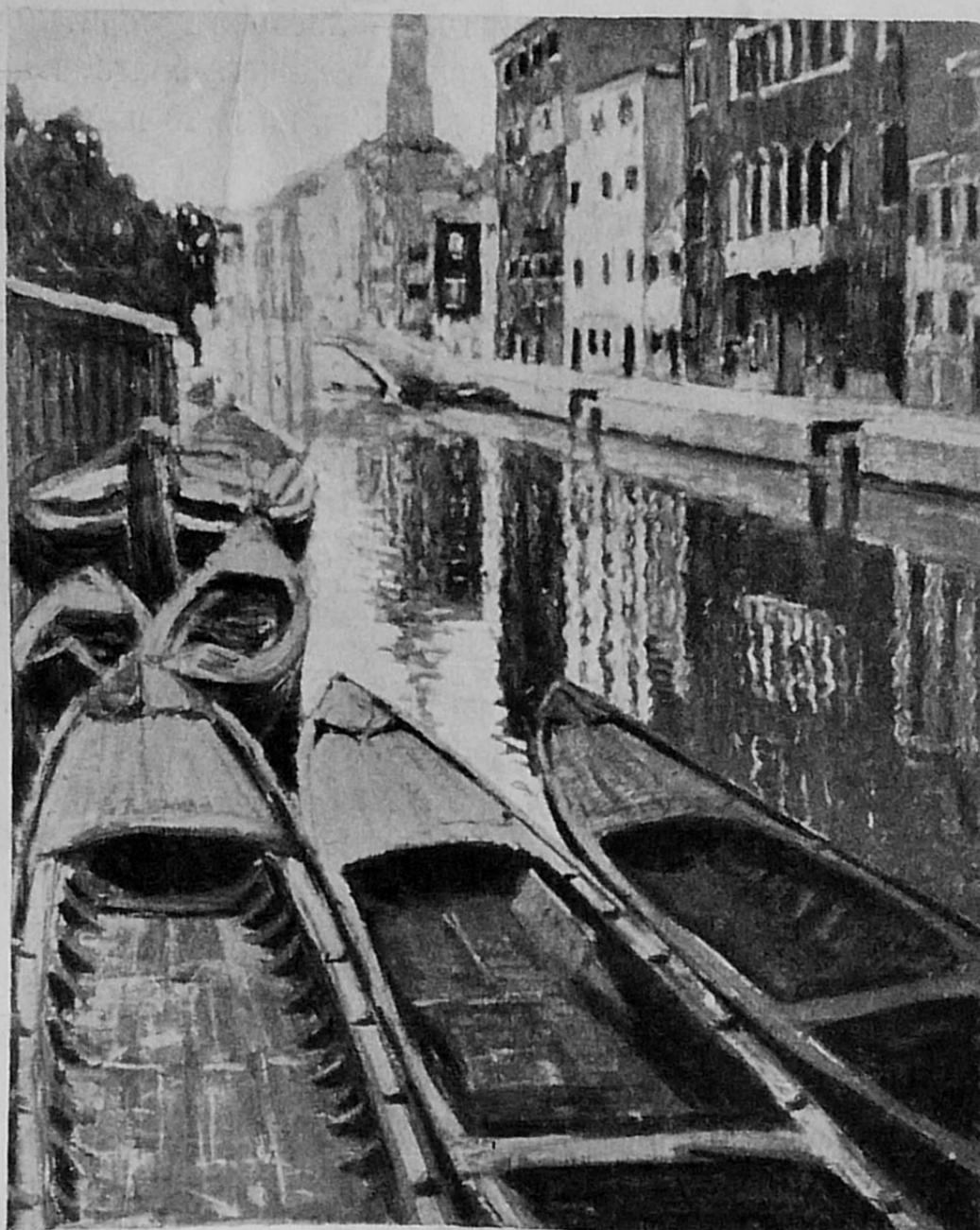
— Чѣмъ говорить! Мудрый былъ покойникъ. Ужъ кого, было, захочетъ закрѣпостить — закрѣпостить. Ужъ чѣмъ ни на есть да обвязеть.

— Вотъ поэтому-то я бы охотно всѣ свои деньжонки въ ваше дѣло и вложилъ: вѣрно, какъ въ Государственномъ банкѣ, а до-

III Выставка
картич
шоварищества
„Независимыхъ“

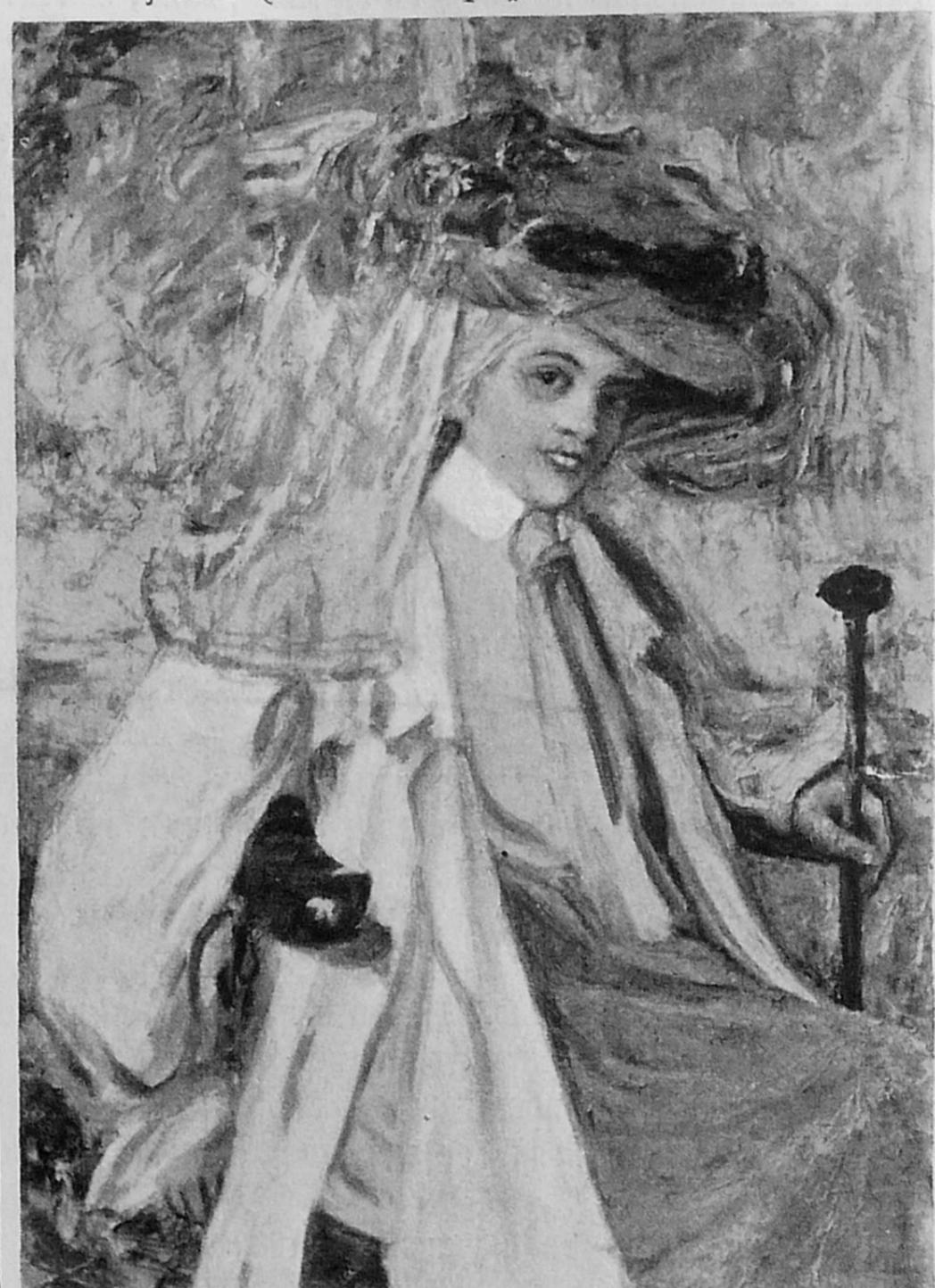
И. Сухановъ. Каменецъ-Подольскъ (Карвасары).

М. Демьяновъ. Венецианскія барки.

А. Афанасьевъ. „Вѣдь плыли жъ поперекъ утки“. (Изъ стих. графа Ал. Толстого).

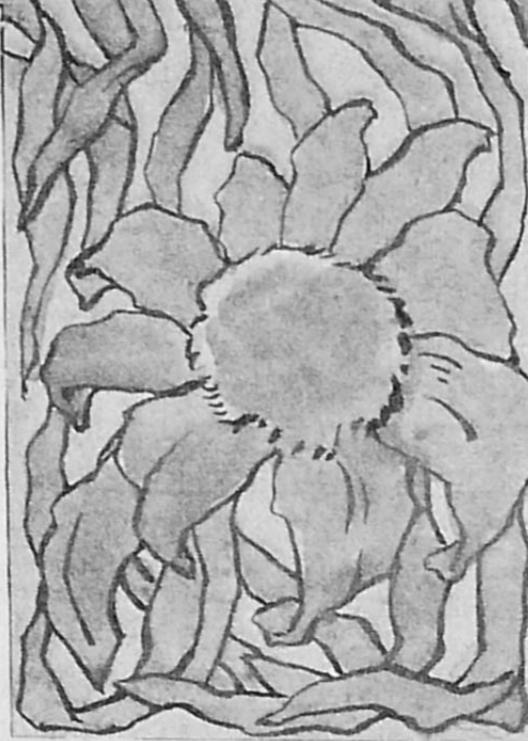
Е. Малешевская. Портрѣтъ Н. Н. М.

И. Грабовскій. Въ мастерской.

А. Вахрам'евъ. Рисунокъ.

А. Титовъ. Въ деревнѣ.

М. Соколовъ.
Портретъ Г-на В. О. С.

М. Бобышевъ. Портретъ Г-жи Д.

А. Любимовъ. Этюдъ.

А. Любимовъ. Бандуристъ.

ходы у васъ, слышно, анаемскіе. Ну, чтѣ вамъ стонть дать мнѣ хорошенкій процентикъ.

— Не пользуемся, батюшка Павелъ Трофимовичъ, не пользуемся чужими—своихъ дѣвать некуда.

— Найдете мѣстечко моимъ тремъ тысячонкамъ. Помогите бѣдному инвалиду сдѣлать пенсію. Вѣрой-правдой служилъ царю-отечеству, выслужилъ немнога... скопилъ гроши... а жизнь-то воинъ какъ вздорожала: мясо-то четвертакъ фунтъ.

— Двадцать шесть вчера мяснику платилъ, — съ неизмѣннымъ спокойствіемъ и достоинствомъ замѣтилъ съ своей стороны Иванъ Федоровичъ.

И добродушно, чуть-чуть похлопавъ полковника по колѣнкѣ, добавилъ:

— Только все-таки намъ вашихъ тысячонокъ—ни трехъ ни сколько ихъ тамъ у васъ еще припрятано—не надо. А ужъ я, какъ обѣщалъ вамъ, завтра въ конторѣ подыщу адресочки такихъ „надежныхъ рукъ“, гдѣ и тысячонки ваши не пропадутъ, и къ пенсіи вашей прибавочку заработаете.

Ивановъ отъ прикосновенія къ нему руки Молодцыгина сразу сѣёжился и немного отодвинулъся, точно чего-то испугался; но сейчасъ же оправился и суховато поблагодарилъ:

— Ну, и на этомъ спасибо. Поразмыслимъ и обѣ этомъ.

А Иванъ Федоровичъ такъ же добродушно продолжалъ:

— А то вотъ: — недалеко ходить: я думаю и генералу Россину и Антону Сергеевичу Пенинскому сколько угодно тысячонокъ понадобиться можетъ—только предложите.

Ивановъ глубокомысленно сдвинулъ брови:

— Ну... генераль, это, знаете... мнѣ не очень... генераль... того... А Пенинскій—что такое? По какому случаю?

— Да вѣдь онъ, какъ архитекторъ, все большие дома строитъ. Такъ вотъ теперь, кажется, напрактиковался, такъ собственный будто бы строить хочетъ—доходный.

Полковникъ насторожилъ уши:

— А!.. „Сie дѣло треба разжувати“. Поразмыслимъ, поразмыслимъ!.. — И, опять впадая въ ласково-игривый тонъ, весело заговорилъ:—А то вотъ если бъ, можетъ-быть, Владиміру Ильичу... на личные расходы... или хотя бы и Нинѣ Михайловнѣ... такъ я бы—безъ размышенія. Да-съ! Извольте!

Полковникъ посмотрѣлъ при этомъ на Молодцыгина такимъ лукавымъ и значительнымъ взглядомъ, какъ-будто хотѣлъ показать, что знаетъ какую-то тайну.

Но Иванъ Федоровичъ только разсмѣялся:

— Да Богъ съ вами. Я думаю, они своймъ миллионамъ сами хозяева. Запрету нѣтъ...

Полковникъ уже совершенно серьезно сказалъ:

— А я слышалъ, что въ завѣщаніи сдѣланы какія-то ограниченія.

Молодцыгинъ дѣловымъ тономъ прервалъ его:

— А хотя бы и такъ. Да вѣдь имъ и ограниченного годового дохода не истратить. Они не мотушки. А захотятъ, такъ и всѣ ограниченія уничтожить могутъ. Про китаевское завѣщаніе тутъ дѣйствительно всякую ерунду досужие языки плетутъ, чего и нѣть совсѣмъ.

— Да вѣдь чѣмъ дѣло-то?

— А дѣло простое. Конечно, покойникъ, любя жену и сына, любилъ и свое дѣло и хотѣлъ, чтобы оно не распалось отъ дѣлѣжа наследства. Ну, и обставилъ завѣщаніе такъ: сыну—двѣ трети всего, женѣ—треть, пока наследники живутъ вмѣстѣ и вѣдуть дѣло сообща до женитьбы сына. А какъ женится Владиміръ Ильичъ—такъ могутъ и раздѣлиться, если кто-нибудь изъ нихъ пожелаетъ. И тогда сынъ долженъ выдѣлить матери всю ея третью часть сполна. Если же Нина Михайловна пожелаетъ раздѣлъ раньше или выйдетъ замужъ раньше, чѣмъ женится Володя, то ей выдѣляется только одна седьмая часть денежнаго капитала, а право на долю въ недвижимости и прибыляхъ торгового дѣла она теряетъ. Вотъ и все.

Ивановъ, внимательно выслушавъ, высказалъ, не безъ ироніи, свое одобрение:

— Да. Признаюсь — достаточно... достаточно мудро или мудрено придумано...—И, лукаво прищуривъ одинъ глазъ, много-значительно посмотрѣлъ другимъ на Молодцыгина и рѣшительнымъ тономъ, точно отрѣзалъ, сказалъ:—Такъ-что, ежели кому

нибудь изъ нихъ... тысячонки три понадобятся... такъ я съ удовольствіемъ...

VIII.

Подъ конецъ этого разговора музыка въ домѣ уже прекратилась, прошумѣли рукоплесканія, и на дорожкахъ цѣѣтника появились вышедши изъ дома гулявшіе гости. Тутъ, кромѣ семьи Пенинскихъ и генерала Россина съ сестрой Агнесой Матвѣевной, съ дочерью и племянницей, были и служивши у Китаевыхъ: лѣсничий, наблюдавшій за ихъ огромными лѣсами, и технологъ, заѣзжавшій новымъ китаевскимъ заводомъ древесной массы,— оба съ женами; были и приѣзжіе: земской докторъ, лѣсничий со сѣдняго казенного лѣсничества и наконецъ земской агрономъ, мужчина не разговорчивый, но обладавшій превосходнымъ голосомъ и готовившій промѣнять поля и луга на подмостки оперной сцены. Было не очень людно, не шумно, но и не скучно, потому что никто не стѣснялъ другъ друга, всѣ чувствовали себя запросто, какъ дома.

Съ выходомъ въ садъ гостей, поднялись со своей скамейки и полковникъ съ Иваномъ Федоровичемъ.

И, сейчасъ же отдѣлившись отъ другихъ, подошла къ полковнику его супруга Анна Яковлевна, дама полная, возраста средняго, обличья некрасиваго, но одѣта по-модному и не безъ вкуса. Обрадовалась мужу, точно вѣкъ его не видала:

— Ты вотъ гдѣ! А я-то думаю: куда вдругъ пропалъ? Сижу, какъ на иголкахъ; затерли меня тамъ между стульевъ, такъ что и выйти нельзя, а я беспокоюсь о тебѣ...

Ивановъ ласково улыбнулся, а Молодцыгинъ вступилъ за него:

— Да о чѣмъ же вамъ, сударыня, такъ беспокоиться? Намъ съ Павломъ Трофимовичемъ такъ около васъ тепленько показалось, мы на холодокъ и уединились. А вы изволите волноваться...

Полковница заботливо оглядѣла полковника:

— Одинъ вѣдь у меня мужъ-то.

Молодцыгинъ дружескимъ тономъ и очень серьезно поддакнулъ ей:

— Несомнѣнно. Но за цѣлостъ и сохранность его могу поручиться. Мы здѣсь хоть и кругомъ въ лѣсу живемъ...

Подошелъ Давидъ:

— Иванъ Федоровичъ, васъ Нина Михайловна зачѣмъ-то къ себѣ просятъ.

Молодцыгинъ дружески кивнулъ головой супругамъ Ивановымъ и, не кончивъ фразы, пошелъ къ хозяйствѣ, сопровождаемый Давидомъ.

Полковница безпокойно окинула взглядомъ землю вокругъ скамейки и спросила мужа:

— Вы не гуляли?

— Нѣтъ, все тутъ сидѣли.

— То-то. Цѣлы деньги-то?

И она пощупала мужа со стороны кармановъ и спины.

— Цѣлы, цѣлы, Аночка! Не бойся. Въ походахъ умѣль беречь, дома-то ужъ не выроню.

— Такъ-то—такъ. Да вотъ какъ зашлю ихъ завтра опять подъ подкладку, такъ и успокоюсь. Охъ, ужъ эти мнѣ парады да наряды! Давеча, какъ выпорола пакетъ-то изъ старого жилета, такъ у меня сердце и упало. Точно вотъ сейчасъ ревизоры съ обыскомъ придутъ.

Полковникъ снисходительно улыбнулся. Но для успокоенія себя или просто уже по привычкѣ, заботливо спросилъ:

— А у тебя-то защиты?

Анна Яковлевна, съ глубокимъ сознаніемъ своей аккуратности, удостоила ласково отвѣтить:

— Да я къ своимъ-то и не прикасалась. Такъ подъ это платье старую-то юбку и надѣла. Хожу вотъ только да по привычкѣ пощупываю: тутъ!

Пощупалъ женины карманы и полковникъ.

Помолчавъ, Анна Яковлевна сказала:

— А чтѣ, Трофимычъ, не пошли ли домой?

— Чѣмъ такъ?

— Да все какъ-то о домѣ беспокоюсь.

— Чѣмъ жъ домъ—тамъ прислуга, да и учительница...

— Надѣйся! И Дарья, чего доброго, сюда къ дворнѣ удереть,

а ужъ учительница и прямо сказала: „Какъ луна поднимется, часовъ въ одиннадцать въ поле гулять уйду“. Я ей:—На кого же Митенька останется? А она говорить: „Я нанималась учить—не сторожить“. Я говорю:—Да вѣдь Дарья уснетъ и двери запреть,—а она говоритъ: „Ничего, я въ окно...“ Шлендра!

Полковникъ улыбнулся и покровительственно сказалъ:

— Молодому человѣку погулять хочется. При лунѣ-то...

— Защищай. Мало ли ей чего при лунѣ захочется. Не нравится она мнѣ. Не разговорчива, а вотъ давеча газету мнѣ суетъ: „Читали, говорить, что обѣ интендантахъ пишутъ?“ — Анна Яковлевна на минуту задумалась и сурово произнесла: — Безъ нея знаемъ.—Потомъ, вставъ, рѣшительно сказала:—Пойдемъ-ка по-добру по-здорову. А то какъ засидимся, такъ крѣпко спать будемъ, чуткій сонъ потеряю. Боюсь.

Полковникъ безъ желанія, но и безъ протеста, согласился:

— Ну, что жъ, пойдемъ... Вонъ именинникъ. Простимся съ нимъ...

Володя шелъ имъ навстрѣчу, разговаривая съ Маней и Агнессой Матвѣевной.

Встрѣча съ полковничью четой нарушила ихъ настроеніе. Съ худо скрытой непріязнью посмотрѣла на Ивановыхъ Агнесса Матвѣевна. Предоставивъ Володѣ, какъ хозяину, любезно прощаются съ ними и нѣсколько шаговъ проводить ихъ, Агнесса Матвѣевна сразу же отошла съ Маней въ сторону. И торопливо, чтобы воспользоваться минутой, пока онѣ однѣ, говорить Манѣ:

— Сейчасъ же, сейчасъ же признавайся ему въ любви. Не мѣшай ни минуты...

Маня относится къ этому предложению или приказанію шутливо, но шутливо только потому, что не увѣрена въ успѣхѣ. Она боится играть въ эту „игру“ серьезно, чтобы не обжечься, чтобы не причинить нежданно и нечаянно боли своему сердцу. Она рада всякому случаю пококетничать, но безъ отвѣтственности за успѣхъ или неуспѣхъ. И поэтому теперь она съ игривой наивностью отвѣчаетъ матери:

— Но, мама, я не умѣю. Насъ этому-то какъ разъ и не учили.

— А, вздоръ! Этому учатся, какъ плавать: бросился въ воду и плыви—и поплыvешь.

— А какъ на дно пойду?

— Не бойся. Здѣсь на мелкомъ мѣстѣ. А я, стоя на берегу, караулить буду. Изъ-за этого жениха стоять побарабататься.

Маня дѣлаетъ видъ, что все еще колеблется:

— Мама, я не рѣшусь... Я не отказываюсь... Мнѣ Володя Китаевъ страшно нравится... Самъ по себѣ... Но мнѣ противна эта погоня за китайскими миллионами. И Муза, и Елена Пенинская, и я... Я не сумѣю. Я въ гонкахъ не участвовала...

— Милая, не говори глупостей. Всѣ гонятся, потому что иначе нельзя. Сѣши занять первое мѣсто, пока не поздно. Локти разставь въ обѣ стороны и не пускай другихъ. Удобную минуту прозѣваешь, кузина Муза или другая перехватитъ. Я вотъ всячески стараюсь тебя съ нимъ наединѣ оставить, а Муза, вижу, такъ и рвется оттереть насъ. А ты все съ этимъ... съ Константиномъ Пенинскимъ. Я тебѣ говорю, не теряй дорогого времени.

— Мама, что жъ мнѣ дѣлать, когда Костя Пенинский за мной ухаживаетъ?

— А ты въ сторону. Иначе останешься въ дурахъ. Ты думаешь, я ихъ игру не вижу? Насквозь вижу. Ты думаешь, они не видятъ, что ты красивѣе всѣхъ тутъ? Онъ для сестры хлопочетъ. Тебя оттереть отъ Китаева, а Еленѣ дорогу очистить. Не воображай, что онъ на тебѣ женится. Поухаживать—отчего же. А жену ему надо съ деньгами.

И Агнесса Матвѣевна, на мгновеніе задумавшись, заговорила уже въ мягкому, сердечномъ тонѣ:

— Вотъ тутъ, съ Пенинскимъ, мѣсто глубокое. Тутъ ты плавать не учишь. Дѣла не выйдетъ, а пустыхъ сплетенъ—сколько угодно. А съ Володей если и сорвется, такъ не бѣда, если поговорить, что миллионеръ Китаевъ съ тобой флиртировалъ.

Маняshalovliivo-mechtательно вздохнула:

— Ахъ, если бъ это было такъ!.. Но онъ просто только вѣжливъ, внимателенъ, любезенъ и... больше ничего. И когда я подумаю, что надо начинать самой... Ахъ, зачѣмъ вы отдали меня въ институтъ, а не въ какую-нибудь частную гимназію!..

По лицу Агнессы Матвѣевны пробѣжалась ироническая улыбка:

— Ну, милая, я по себѣ знаю, что у васъ тамъ въ институтахъ говорится...

Маня съ напускной серьезностью возразила:

— Мама, то все только теорія. Не было практическихъ занятій. А я-то еще должна была быть примѣрной, чтобы заслуживать стипендію. Теперь и переучивайся.

— Ну, онъ идетъ,—быстро прервала ее мать. — А вонъ уже и Муза. Пользуйся тѣмъ, что я сейчасъ наговорила ему кучу комплиментовъ о его талантахъ, и придумывай, что знаешь...

IX.

Володя, распростишись съ Ивановыми, шелъ къ оставленнымъ имъ дамамъ и, приближаясь, говорилъ:

— Извиняюсь... Долженъ былъ сказать нѣсколько успокоительныхъ словъ полковнице, боящейсяочныхъ воровъ. У насъ вѣдь вездѣ сторожа...

Агнесса Матвѣевна сдѣлала презрительную гримасу.

— Интенданта навѣрное деньги въ чулкѣ носить, вотъ и боятся. Мы вотъ съ Маней ничего на свѣтѣ не боимся.—И вдругъ, точно испугавшись, воскрикнула:—Ахъ, теперь я васъ на минутку оставлю: вонъ идетъ Муза; я весь вечеръ ее ловлю, чтобы сказать ей пару словъ.

И, незамѣтно бросивъ дочери выразительный взглядъ, быстро пошла навстрѣчу Музѣ, издали подходившей сюда въ сопровожденіи Коти.

Володя у скамейки предложилъ Манѣ:

— Сядемте...

Маня посмотрѣла на него нѣжнымъ взглядомъ и сдѣлала нервный жестъ рукой, точно отгоняя какую-то мысль:

— Нѣть, нѣть... Мнѣ не усидѣть... Лучше походимъ тутъ... Я такъ взволнована...

Володя съ недоумѣніемъ пошелъ рядомъ съ нею и ласково спросилъ:

— Чѣмъ съ вами?.. Сейчасъ вы все молчали... Чѣмъ же случилось?..

Маня, потупивъ взглядъ, тихо произнесла:

— Чѣмъ случилось?.. То, что сейчасъ вамъ высказывала мама: вашъ дивный ноктюрнъ... ваша игра... и...

— И?

— И вы.

— Я?.. Чѣмъ я...

Маня, точно боясь вдругъ струсить, заговорила быстро, нервно:

— Не удивляйтесь... Я не рѣшилась бы сказать этого при мама... при другихъ... Но вы должны понять меня, Владимира Ильичъ... какъ я поняла васъ... вашу душу... Музыка говорить иногда больше словъ. Когда я слушала, какъ пѣли струны рояля отъ прикосновенія вашихъ нервныхъ рукъ къ нѣмымъ косточкамъ клавишъ, я почувствовала въ вашей душѣ ту частицу „Ж“, которой нехватаетъ въ моей женской душѣ... И вотъ я... Мнѣ кажется... я нашла въ себѣ ту частицу „М“, которую нужно соединить съ вашей душой, чтобы получилась гармонія двухъ полныхъ „М“ и „Ж“. Да... мнѣ кажется, что вы, какъ композиторъ, именно это и хотѣли сказать вашимъ ноктюрномъ. Чѣмъ вы смотрите на меня съ такимъ удивленіемъ? Я угадала—да?

Маня смотрѣла теперь на Володю уже смѣлымъ, открытымъ и оттого еще болѣе нѣжнымъ взглядомъ и говорила:

— Согласитесь, вѣдь въ моей душѣ должна быть частица настоящаго *мужества*, чтобы сказать это?.. И я не ошиблась: по вашимъ глазамъ я вижу, что мои слова заставили вибрировать въ вашей душѣ струны частицы женственности, которую я открыла въ ней.

Володя, немножко растерявшись, могъ въ первое мгновеніе только почти безучастно спросить:

— Такъ вы Вейнингера-то читали?

Маня равнодушно выразила недоумѣніе:

— Какой Вейнингеръ?

— Какъ какой?.. Вѣдь вы же сейчасъ говорите обѣ „М“ и „Ж“,—о мужскомъ и женскомъ элементахъ въ душѣ человѣка. По Вейнингеру?

— Ахъ, да! Можетъ-быть. Кажется, читала...

— Позвольте, это нелегкий трудъ прочесть его книжку.

Но Маню ничуть не интересовали въ эту минуту ни книги ни

I. Оберъ. Милосердный самарянинъ.

какой-то тамъ Вейнингеръ, и, въ пренебрежениі къ нимъ, она спѣшила дать прочесть Володѣ то, что было написано въ ея собственной душѣ, и быстро продолжала говорить:

— Ахъ, я въ послѣднее время такъ много читала... все модные... Немудрено и забыть, гдѣ я обѣ этомъ читала... И не все ли вамъ равно... Но вы должны понять меня... Я вовсе не поклонница модныхъ теорій... Не смѣйтесь надъ институтскимъ воспитаніемъ... Я люблю его. Меня не нужно было пріучать къ скромности. Я всегда была скромна.

Къ Володѣ теперь уже вернулась его увѣренность; въ тонѣ его рѣчи, изысканно любезной, уже зазвучала скрытая иронія, и едва уловимой насмѣшкой были его слова, когда онъ, на декларацию Мани о „скромности“, смѣло сказалъ:

— Вотъ и я тоже. Скромность—это то, что я всегда больше всего цѣнилъ въ женщинахъ.

А Маня, увлеченная въ глубокое мѣсто, уже наивно ластилась къ нему:

— Это такъ драгоцѣнно въ семейной жизни...

И онъ, забавляясь, безпощадно топилъ ее, говоря:

— Вотъ именно!.. Въ особенности для меня. Та часть „Ж“, которую вы такъ проницательно открыли въ моей душѣ, большая, у меня есть не только женская или женственная достоинства, но и женская слабости въ характерѣ.

Маня замѣтила въ это время приближавшуюся соперницу-кузину и страстнымъ тономъ, но быстро-быстро сказала:

— Слушайте, Владимира Ильичъ, сюда идутъ, а мнѣ надо сказать вамъ такъ много-много. Назначьте мнѣ свиданіе...

— Когда?

— Сейчасъ же, сегодня же вечеромъ.

Володя, не задумываясь, серьезно отвѣтилъ:

— Хорошо. Вотъ какъ только кончить пѣть нашъ агрономъ,—видѣли, ходилъ тутъ одиноко по цвѣтнику, этотъ черный, усатый? Я обѣщалъ ему аккомпанировать. Потомъ будутъ накрывать ужинъ, я въ это время и приду. Вы ждите.

— Приходите къ скамеечкѣ подъ лиственницей.

Володя, съ мгновеніемъ раздумья, сказалъ:

— Нѣтъ, знаете, лучше ужъ по этой же дорожкѣ подальше, къ скамейкѣ у пруда.

Маня весело шепнула ему:

— Хорошо!.. Если увидите русалку, не думайте, что это я...

Пока они такъ говорили, Агнесѣ Матвѣевнѣ удалось остановить подвигавшихся къ нимъ Музу съ Котѣй, и подъ предлогомъ, что сама идетъ въ домъ, она задерживала ихъ своими разговорами. Какъ Муза ни порывалась впередъ, Агнеса Матвѣевна съ невиннымъ видомъ ласково держала ее за руку и все говорила-говорила. Наконецъ пришлось-таки уступить и самой уйти съ позиціи. И Муза и Котя подошли къ Володѣ съ Маней, а Агнеса Матвѣевна направилась къ Нинѣ Михайловнѣ, гулявшей по цвѣтнику въ обществѣ генерала и Молодцыгина, въ то время, какъ Пенинский здѣсь же велъ бесѣду съ лѣсничимъ, а Лена разсѣянно слушала комплименты уѣзднаго доктора.

Муза, какъ подошла къ Володѣ, сразу же завладѣла имъ:

— Дорогой именинникъ, вы не можете проводить сегодня все время съ какой-нибудь одной избранницей, будь это даже моя милая кузина! Вы должны принадлежать всѣмъ, и такъ какъ я во весь вечеръ не сказала съ вами десяти словъ, то сейчасъ вы мой.

Володя съ любезной улыбкой поклонился ей, посмотрѣлъ на часы и сказалъ очень серьезно:

— Совершенно вѣрно. И у меня по расчету времени тоже такъ выходило...

— Это зло,—обидѣлась Муза

Володя съ необычайной ласковостью возразилъ:

— Напротивъ совсѣмъ добродушно.

— Вы избалованы.

— Чѣмъ?

— Всеобщимъ вниманіемъ.

— Я же и виноватъ?

— Не хорошо, когда мужчина дѣлается кокеткой.

— Часъ отъ часу не легче.

— Не отдѣливайтесь. А сдѣлайте-ка шагъ ко мнѣ. Поближе. Еще. Вотъ такъ. Замѣтьте, какъ легко мы разъединились съ Кон-

стантиномъ Антоновичемъ, какъ только подошли къ нашимъ магнитамъ. Видите,—онъ сразу же повернулся ко мнѣ спиной и, конечно, назначаетъ Манѣ свиданье. Отойдемте же и мы еще немного въ сторону, чтобы не мѣшать имъ. Я вижу, милая кузина мечтѣ на меня ревнивые взоры уже только за то, что ея Костя сейчасъ немножко поговорилъ со мною.

Володя сдѣлалъ простодушно-удивленное лицо:

— Развѣ она неравнодушна къ Котѣ?

Муза разсмѣялась и увѣренно отвѣтила:

— Во снѣ имъ бредить.—Но сейчасъ же, точно спохватилась, тихо сказала:—Чтѣ я дѣлаю—выдаю ея тайну! Вы меня не выдайте, что я сказала!

Володя съ усмѣшкой спокойно отвѣтилъ:

— По своему купеческому званію воспитался въ страхѣ „коммерческой тайны“ и привыкъ хранить всякую.

— Тѣмъ лучше. Значить, я могу безбоязненно довѣрить вамъ и свою?

— Безъ колебаній.

— Я люблю васъ. Вы удивлены? Вы смущены?

Володя развелъ руками:

— Такъ это просто...

— Все прекрасное всегда просто.

— Да... но...

— Вы влюблены не въ меня?

— Я этого не сказа...
— Стало-быть, это ваша коммерческая тайна?

— Можетъ-быть...

— Дайте мнѣ въ ней долю—я буду хранить вашу тайну, какъ и вы.

Володя съ многозначительной улыбкой и шутливой робостью отвѣтилъ:

— Видите ли... насчетъ всякой коммерческой тайны... я долженъ поговорить съ маменькой.

Муза спокойно и рѣшительно сказала:

— Поговорите. Только не съ моимъ папенькой.

— Нѣтъ... это зачѣмъ же...

— Мой папенька—черносотенецъ и генераль, а я—кадетка и по убѣженіямъ и по рѣзвости моихъ мыслей и дѣйствій. Вѣдь и вы кадетъ?

— Я изъ купцовъ.

— Не ломайтесь. Мы съ вами—молодежь, новое поколѣніе, мы должны быть передовыми. Не правѣе кадетовъ.

Володя утвердительно кивнулъ головой:

— Ну еще бы!

А Муза продолжала веселымъ, игривымъ тономъ, но въ которомъ все-таки слышалось, что она совсѣмъ не въ шутку высказываетъ свои мысли:

— Я терпѣть не могу политики; и чтѣ они тамъ говорятъ въ Думѣ, меня совсѣмъ не интересуетъ. Я принимаю кадетскую программу только въ смыслѣ свободы въ нашихъ общественныхъ и семейныхъ отношеніяхъ... Мой папенька—да, можетъ-быть, и ваша маменька—только ахнули бы, услыхавъ, что я первая призналась вамъ въ любви. А вы скажите,—развѣ это вамъ не импонируетъ?

Володя отвѣчалъ ей такъ же весело и какъ-будто искренно:

— И какъ еще!

— Ну, подумайте, зачѣмъ я буду тантъ свои чувства отъ васъ, когда мнѣ нужно, чтобы вы ихъ знали.

— Несомнѣнно.

— Я не вѣрю, чтобы скромность когда-нибудь имѣла успѣхъ. А въ наше время и подавно.

— Я всегда мечталъ, чтобы моя жена была человѣкъ смѣлый, прямой.

— Вотъ именно. Такъ-что вы принимаете мое предложеніе руки и сердца?

— Я не сказа...
— Ахъ, да. Вѣдь вамъ еще надо переговорить съ маменькой.

— И... кромѣ того, немножко провѣрить наши взаимныя чувства.

— Мое я уже провѣрила.

— А вдругъ вы съ такой же смѣлостью скажете завтра: „я люблю другого“?

— Я не анархистка. Я только кадетка. Конституцію нашихъ брачныхъ отношеній обѣ стороны должны будуть хранить свято.

Володя сдѣлалъ видъ, что это вызываетъ его на размышленіе, и неопределенно произнесъ:

— Да... въ такомъ смыслѣ...

Муза вдругъ заговорила серьезно и сердечно:

— Однако, Володя, слушайте, мы съ вами шутимъ, мы играемъ святымъ чувствомъ. Вѣдь это вовсе не похоже на признаніе въ любви... А между тѣмъ... вѣдь я *люблю* васъ, Володя. Слышите: *люблю!* О, вы еще не знаете, что это значитъ быть любимымъ смѣлой, искренней девушкой, не боящейся своего чувства.

Володя не удержался, чтобы не отвѣтить шуткой:

— Можетъ-быть, и не знаю... но понимаю... Страшновато...

— Стыдитесь. Будьте смѣлѣ. Слушайте, мнѣ нужно сказать вамъ много. И сейчасъ же, — покуда душа полна. Приходите къ скамейкѣ у пруда чрезъ полчаса.

Володя широко раскрылъ глаза. Стоялъ въ недоумѣніи и думалъ, пока Муза не дернула его:

— Ну, что же вы, рѣшайте. Вонъ подходитъ Нина Михайловна и... Скорѣе!

— Какъ только кончится пѣніе... — началъ Володя.

Муза едва успѣла быстро прошептать:

— Я буду тамъ...

(Продолженіе слѣдуетъ).

„Мои воришки“.

Изъ жизни подонковъ Милана. Рассказъ А. Раввицы.

(Разрѣшеній авторомъ переводъ съ итальянскаго В. Владнева).

(Окончаніе).

Каждый годъ передъ Рождествомъ я устраивала благотворительный базаръ въ пользу „кухни“.

Въ тотъ годъ мнѣ удалось снять прекрасное помѣщеніе съ большими окнами въ *rez-de-chaussé* только-что отстроенного дома, и я могла для привлечения публики устроить соблазнительную выставку въ витринахъ.

Между прочимъ, въ одномъ изъ оконъ я выставила модель маленькаго трубочиста, окруженаго всѣми принадлежностями его ремесла.

Трубочистъ мой, головка котораго была работы извѣстнаго скульптора *Secchi*, произвелъ большой фуроръ. Передъ нимъ постоянно толпилась дѣтвора.

Скоро я замѣтила, что въ сумерки передъ витриной стала собираясь кучка обворванныхъ, грязныхъ и истощенныхъ мальчугановъ, которые, прижавшись носами къ стеклу, старались проникнуть взоромъ внутрь помѣщенія, гдѣ было такъ много свѣта и такъ тепло.

Какая рѣзкая разница между этими блѣдными, дрожащими отъ холода подъ своими лохмотьями, ребятишками и тѣми сытыми, теплыми и красиво одѣтыми, съ блестящими отъ радости глазами, которыхъ приводили на базаръ родные!

Маленькие бродяги почти каждый вечеръ оказывались на своемъ посту, и невольно у меня явилась мысль: не члены ли это шайки воришекъ, ставшей столь близкой моему сердцу?

Ихъ упорныя посѣщенія были замѣчены, и мнѣ совѣтовали гнать ихъ прочь. Я уже, напротивъ, только и думала, какъ бы вступить съ ними въ сношенія.

Особенно привлекало мое вниманіе красивое лицо одного мальчугана съ тонкими и правильными, точно точеными, чертами, съ глубокимъ и вдумчивымъ взглядомъ, порою пристально обращеннымъ на меня.

Однажды вечеромъ послѣ закрытія базара я направлялась домой. Не успѣла я сдѣлать и нѣсколько шаговъ, какъ ко мнѣ подбѣжалъ мальчикъ, поджидавшій меня, повидимому, въ противоположныхъ воротахъ. Стая другихъ бродяжекъ бросилась вразсыпную.

Мальчикъ оказался тѣмъ самymъ, который такъ часто и упорно смотрѣлъ на меня.

Онъ приблизился ко мнѣ и тихо, смущенно, произнесъ:

— Я голоденъ!

Неподалеку была булочная.

Мы вошли туда, и, пока онъ утолялъ свой голодъ, я съ состраданіемъ и невольно любуясь смотрѣла на его прекрасное, интеллигентное лицо, на которое лишенія не наложили еще своего страшного отпечатка.

Когда мы вышли, мальчикъ первый нарушилъ молчаніе:

— Это Лино послалъ меня къ вамъ. Онъ не хочетъ меня, говорить, что я никуда не тужусь. Онъ желаетъ, чтобы вы отправили меня въ Геную, къ профессору, какъ Чезарино. Линоѣздилъ въ Геную, хотѣлъ знать и видѣть, какъ все это тамъ устроено, и вернулся довольный.

— Почему же самъ онъ не пришелъ поговорить со мною? — спросила я мальчика.

— Онъ боится, что его арестуютъ.

— Какъ тебя зовутъ?

— Евгений.

— Ну, такъ вотъ что, Евгений. Скажи Лино, что завтра я жду васъ обоихъ въ „Кухнѣ для бѣдныхъ больныхъ“. Мнѣ нужно поговорить съ нимъ, и пусть онъ не боится. А тебя я теперь же обѣщаю устроить въ Геную.

Мы разстались, и я задумчиво продолжала свою дорогу.

„Значить, — думала я: — въ числѣ мальчиковъ, привлеченныхъ трубочистомъ, Лино не было... Что же онъ собою представляется, этотъ маленький бандитъ-герой?“

На другой день я порядкомъ волновалась въ „кухнѣ“ и по минутно бросала взгляды на входную дверь. Наконецъ показались мой вчерашній знакомый и сзади него другой мальчикъ лѣтъ

четырнадцати, широкоплечій и сильный на видъ. Приплюснутый носъ придавалъ непріятное выраженіе его лицу, несмотря на живые, интеллигентные глаза и красивый ротъ.

— Сколько времени этотъ мальчикъ у васъ? — спросила я атамана.

— Не помню точно. Нѣсколько мѣсяцевъ. Но я не хочу больше его. Отправьте его лучше къ профессору.

— Гдѣ же вы его уловили? Есть у него родные?

Евгений, застѣнчиво молчавшій до сихъ поръ, вмѣшился въ разговоръ:

— Конечно. У меня есть родители и много братьевъ и сестеръ. Отецъ мой — ломовой извозчикъ, а мать обрабатываетъ землю. Мы живемъ въ деревнѣ близъ Милана.

— Постарайся получить разрѣшеніе отъ отца.

Мальчики озабоченно переглянулись.

Евгений заломилъ руки:

— Нѣть, нѣть, — не хочу я возвращаться домой!

— Однако это необходимо. Ну, хочешь, поѣдемъ вмѣстѣ?

Предложеніе мое пришло по душѣ мальчикамъ. Они не могли сдержать своей радости, когда я имъ велѣла позвать извозчика, и, выбѣгая, подарили меня парой великолѣпныхъ сальтомортале.

Скоро однако они вернулись съ опущенными головами. Извозчикъ не повѣрилъ ихъ приглашенію, подозрѣвая обманъ.

Только когда я показалась въ ихъ сопровожденіи, онъ подѣхалъ.

Евгений сѣлъ рядомъ со мною, а Лино однимъ прыжкомъ вскочилъ на козлы, къ великому неудовольствію извозчика, протестовавшаго противъ такого сосѣдства.

Дорогой Евгений, почувствовавъ ко мнѣ довѣріе, рассказалъ мнѣ свою исторію:

— Насъ было слишкомъ много въ домѣ. Никому нехватало пищи. Мнѣ надоѣло наполнять свой желудокъ всегда лишь наполовину, и въ одинъ прекрасный день я ушелъ отъ нихъ. Съ атаманомъ я встрѣтился случайно. Скоро я научился воровать часы и портмонѣ, но заниматься этимъ не могъ. У меня такъ сильно било сердце, что я терялъ голову и при испытаніяхъ въ „школѣ“ всегда попадался. Лино и другіе товарищи брали меня и пророчили, что я подохну съ голодомъ или проведу всю жизнь въ „коробкѣ“. Атаманъ рѣшилъ отѣлиться отъ меня и надѣялся, что вы устроите меня, какъ Чезарино.

Междуда тѣмъ я замѣтила, что и Лино не терялъ времени. Обращеніе извозчика съ нимъ становилось все привѣтливѣе, и порою они оба помирали со смѣху.

За городомъ лошадь поплелась шагомъ, и Лино, овладѣвъ кнутомъ, старательно погонялъ ее.

Наконецъ подѣ обнаженными деревьями показалась колокольня.

Евгений замолчалъ и нахмурился. Воспоминаніе о родномъ домѣ и перенесенномъ тамъ голодѣ заставило его бѣдное сердце биться еще сильнѣе, чѣмъ страхъ при попыткахъ стащить часы.

Вѣхали въ деревню. Единственная улица ея была запружена народомъ по случаю воскреснаго дня.

Извозчикъ остановился у кабака, и Лино, можетъ-быть, изъ предсторожности, пожелалъ остаться съ нимъ. Мы же съ Евгениемъ отправились пѣшкомъ на противоположную окраину деревни.

Группа мѣстныхъ жителей осматривала настъ съ любопытствомъ: мальчикъ былъ узнанъ земляками.

За нашими спинами перешептывались:

— Гляди-ка, вѣдь это — старшій сынъ ломовика, тотъ, что сбѣжалъ!

Бѣдный Евгений готовъ былъ провалиться сквозь землю. Я чувствовала, какія усилия онъ дѣлаетъ, чтобы не расплакаться. Онъ шелъ, сгорбившись и понуривъ голову.

Наконецъ показался его домъ, какъ разъ самый послѣдній въ поселкѣ. На крыльцѣ стояла женщина съ ребенкомъ на рукахъ, пятеро или шестеро малышей возились у ея ногъ.

Замѣтивъ настъ, она поспѣшно вошла въ домъ, сопровождаемая мелюзгой, уѣшившейся за ея юбку.

Не знаю, узнала ли она своего сына. Но во всякомъ случаѣ, когда онъ вошелъ, она обратила на него такъ мало вниманія, какъ если бы онъ лишь за минуту передъ тѣмъ вышелъ изъ дома.

Мальчикъ молча стоялъ передъ матерью. Я тоже не знала, съ чего начать.

Единственная комната лачуги, съ землянымъ поломъ, съ потрескавшимися стѣнами и низкимъ закопѣльмъ потолкомъ, была неприглядна. Немного самой примитивной поломанной мебели составляло все ея убранство.

Женщина, стоявшая передо мною, была истощена чрезмѣрной плодовитостью и изнурена тяжелой работой. На лицѣ ея мнѣ удалось уловить только удивленіе, къ которому примѣшивалась подозрительность.

Молчаніе длилось нѣсколько минутъ.

— Вотъ вашъ сынъ снова передъ вами. Гдѣ вашъ мужъ? — спросилъ я наконецъ.

— Въ кабакѣ. Сегодня вѣдь воскресенье.

— Попытайтесь позвать его.

Она послала одного изъ болѣе взрослыхъ ребятъ, прятавшихся въ ея юбки и равнодушно смотрѣвшихъ на насть. Никто изъ нихъ, повидимому, тоже не обрадовался возвращенію брата.

Со стороны дѣтей, не умѣющихъ отдавать себѣ ясный отчетъ въ окружающемъ, это еще понятно.

Загадкой была для меня мать. Ни одинъ мускулъ не дрогнулъ у нея на лицѣ при видѣ пропадавшаго ребенка, который могъ за время своего отсутствія и умереть и подвергнуться Богъ знаетъ какой опасности.

Не усталость ли, голодъ и безысходная нужда довели ее до такого состоянія?

Глухое раздраженіе поднималось во мнѣ противъ этой женщины, хотя въ глубинѣ души какой-то голосъ и шепталъ: „Развѣ она виновата въ томъ? Развѣ ты не видишь, какова ея жизнь? Могутъ ли обладать нѣжностью и чуткостью несчастныя существа, бывающія въ тискахъ такой нужды?“

Я невольно покраснѣла, вспомнивъ, какъ при первой встрѣчѣ съ мальчикомъ подумала, что въ жилахъ его течетъ „благородная кровь“, что онъ дитя „преступной“ любви, покинутое несчастной матерью,—такъ былъ онъ красивъ и изященъ.

Такъ вотъ въ какой обстановкѣ, на какой почвѣ выросъ этотъ дивный цвѣтокъ!

Женщина, видя, что ни посланный ребенокъ ни отецъ не возвращаются, вышла сама и скоро вернулась въ сопровожденіи прослаго смуглого человѣка.

Отецъ, казалось, былъ не больше, чѣмъ она, обрадованъ неожиданнымъ возвращеніемъ сына. Очевидно, вернувшись ребенокъ былъ для него только лишнимъ ртомъ.

Я обратилась къ вошедшему за нужнымъ мнѣ разрѣшеніемъ. Онъ сперва ничего не понялъ. Должно-быть, винные пары еще затмняли его мозгъ. Жизнь, предстоявшая его сыну, казалась ему, повидимому, слишкомъ необыкновенной.

Сообразивъ наконецъ, что мнѣ отъ него нужно, онъ широкимъ жестомъ обвелъ вокругъ себя.

— Не хотите ли ужъ и другихъ кстати? Для меня они — одна смерть. Вѣчно голодны, вѣчно голодны! Яѣзжу съ товарами и день и ночь, въ ливень и въ туманъ. Жена возится съ землей. Но все ни къ чему. Все равно голодные. И чѣмъ больше становятся, тѣмъ больше голодаютъ! — жаловался онъ, обдавая меня щеками, противнымъ запахомъ винного перегара.

Я торопилась покончить съ затѣяннымъ дѣломъ. Къ счастью, удалось повидать мѣра деревушки, и, несмотря на праздникъ, онъ помогъ мнѣ выполнить всѣ формальности.

Возвращеніе въ городъ было молчаливымъ—Евгеній потерялъ все свое краснорѣчіе. Лино и возница, распившіе, можетъ-быть, въ ожиданіи настѣннаго стаканчика—другой, стали, казалось, закадычными друзьями.

Возлѣ заставы извозчикъ обернулся ко мнѣ и спросилъ, куда везти.

Лино предупредилъ меня:

— Въ „Гостиницу зелени“.

Извозчикъ переспросилъ меня, качая головой, какъ бы желая сказать:

„Первый разъ слышу о такой гостиницѣ“.

— Да чего тамъ!—вмѣшился опять Лино.—Побѣжай къ Сѣверному вокзалу. На площади Кастелло, вторая скамья направо — это и есть наша гостиница.

Странный адресъ вызвалъ у извозчика варыѣ смѣха, и въ тоинъ атаману онъ отвѣтилъ:

— Ахъ, чортъ побери! Вѣдь, поди, у васъ никогда не бываетъ недоразумѣній ни съ домохозяиномъ ни съ привратникомъ!

Я заподозрѣла, что король воровъ хочетъ удовлетворить свое маленькое тщеславіе: что, можетъ-быть, теперь какъ разъ тамъ у него назначено свиданіе съ бандой, и онъ умираетъ отъ желанія показать своимъ подчиненнымъ, что катался въ каретѣ.

Поэтому я подтвердила извозчику распоряженіе Лино.

И въ самомъ дѣлѣ, когда мы подѣхали къ „Гостиницѣ зелени“, группа изъ восьми или десяти мальчугановъ обступила насть, и я узнала среди нихъ немало восторженныхъ созерцателей моего трубочиста.

Въ ихъ числѣ былъ одинъ съ такимъ ярко выраженнымъ типомъ маленькаго преступника, что лицо его надолго запечатлѣ-

лось въ моей памяти: пара свирѣпыхъ глазъ подъ низкимъ-низкимъ, заросшимъ волосами, лбомъ, истощенная физіономія съ неправильными чертами, отталкивающая, вызывающая страхъ.

Впослѣдствіи я узнала отъ другихъ воришекъ, что это былъ нѣкій Рико (Енрико), ожесточенный соперникъ атамана, которому удавалось держать его въ подчиненіи лишь кулаками.

...Отѣзду Евгения произошло совершенно такъ же, какъ и отѣзду Чезарино. Единственное отличіе заключалось въ томъ, что онъ доставилъ мнѣ цѣлый часть мучительного беспокойства.

Одѣтый съ ногъ до головы во все новое, плутышка не смогъ устоять передъ соблазномъ показаться въ такомъ видѣ своимъ бывшимъ товарищамъ и скрылся изъ дома, не предупредивъ меня.

Впрочемъ, онъ вернулся вѣ-время, сияющей отъ произведенаго имъ въ своей компаніи эффекта.

Всѣ захотѣли туда же, но Лино сказалъ, что нужно работать — и тогда они сами смогутъ обзавестись такимъ же костюмомъ.—Корабль же — та же тюрьма, но я все-таки пришелъ!

Несмотря на то, что въ документѣ, присланномъ мнѣ изъ деревни, Евгеній былъ отмѣченъ, какъ „опасный субъектъ“, онъ ни разу за все время своего пребыванія на кораблѣ не подалъ повода къ неудовольствію имъ.

Черезъ годъ генуэзскій профессоръ прїѣхалъ въ Миланъ читать лекцію о корабль-школѣ и привезъ съ собою Евгения, ставшаго еще болѣе красивымъ.

Это было цѣлымъ событиемъ для банды воришекъ. Всѣ они, съѣтъ атаманомъ во главѣ, явились на лекцію и толпились при выходѣ вокругъ Евгения, не погнушавшагося признать старыхъ товарищей.

Прошелъ годъ съ того дня, какъ мы съ мальчуганомъ поѣхали его родную деревню. Въ тотъ разъ онъ проходилъ по ней съ низко-опущенной головой, стыдясь смотрѣть въ лицо встрѣчнымъ. Теперь онъ хотѣлъ снова поѣхать ее, гордый своимъ званіемъ моряка.

Лино поддержалъ его желаніе.

Въ каретѣ, сидя противъ меня, довольные своимъ свиданіемъ, мальчики не уставали разспрашивать другъ друга. Евгеній описывалъ въ самыхъ радужныхъ краскахъ свое новое существованіе:

— Профессоръ предобрый! Мы любимъ его, какъ отца. У насъ тамъ вѣчный праздникъ...

Особенно сильное впечатлѣніе произвело на него — и онъ часто возвращался къ тому обстоятельству, самъ того не замѣчая, — возможность быть досыта.

Когда настала очередь Лино ввести товарища въ курсъ своихъ дѣлъ, я замѣтила, что тоинъ его былъ совсѣмъ иной. Рѣчь его не дышала энтузіазмомъ.

Кое-кто изъ его друзей былъ пойманъ и запертъ въ исправительный домъ. Одинъ умеръ въ больнице: ночуя на каменныхъ ступеняхъ памятника, онъ схватилъ болѣзнь съ какимъ-то мудрѣніемъ названіемъ. Несмотря на мучившую его лихорадку, онъ продолжалъ бродяжить и наконецъ былъ поднятъ безъ чувствъ на улицѣ и отвезенъ въ „свой домъ“ (госпиталь на воровскомъ жаргонѣ).

— Однажды въ воскресенье мы вдвоемъ или втроемъ отправились навѣстить его, скрывъ предварительно, специально для этого случая, нѣсколько апельсиновъ, и... на его койкѣ нашли какого-то старика!

„А „Пиголица“... Ты помнишь эту каналью? Онъ сдѣлалъ доносчикомъ, выдалъ своихъ товарищѣй и сталъ работать самъ по себѣ.

„Однажды зимой, на разсвѣтѣ, сидѣли мы нѣсколько человѣкъ передъ огнемъ въ „castagnaccia“ *) въ ожиданіи, пока торть испечется. Пришелъ и „Пиголица“. Мы еще ничего о немъ не знали. Вотъ поспѣлъ торть; купили мы по кусочку, сидимъ себѣ, вытянувъ ноги, и уплетаемъ, ни о чѣмъ не помышляя. Вдругъ идетъ мимо квартальный. Увидѣвъ Пиголицу, онъ подозвалъ его и сталъ съ нимъ разговаривать. Мы тогда поняли, почему онъ одинъ изъ всей банды уцѣлѣлъ. Съ тѣхъ поръ носу не показываетъ въ нашихъ краяхъ. Ну, да, ужъ встрѣчу я его — всѣ ребята переломаю. У „И нашимъ и вашимъ“ **) ничего не измѣнилось, каждый на своемъ мѣстѣ. Все та же безсмертная „улитка“ ***) ползаетъ изъ угла въ уголъ. Прокуроръ и адвокаты грызутся промежъ себя, а судья и обвиняемые разрываютъ себѣ рты и вывихиваютъ челости отъ зѣвоты.“

Живость описанія, подчеркнутая богатой мимикой, очень меня забавляла и — мнѣ не стыдно въ этомъ признаться — несмотря на почтеніе, которымъ мы обязаны представителямъ правосудія, мы всѣ трое смыслились отъ души, входя въ деревню.

Случилось такъ, что и на этотъ разъ было воскресенье. Люди группами толпились на площади и съ изумленіемъ глядѣли на насть. Мы добрались до лачужки, имѣвшей тотъ же жалкій видъ, что и въ прошломъ году.

Женщина была дома одна съ самимъ маленькимъ ребенкомъ на рукахъ.

Она встрѣтила насть съ такимъ же глубокимъ равнодушіемъ, какъ и въ первый разъ.

Напротивъ того, „опасный субъектъ“ бросился къ ней, поры-

*) Castagnaccia — лавочонка, въ которой бродячіе торговцы пекутъ на продажу торты изъ каштановъ.

**) Народное прозвище суда.

***) Народное прозвище судебнаго пристава.

висто обвиль ея шею руками и затѣмъ, вынувъ изъ кармана какой-то свертокъ, старался незамѣтно сунуть его ей.

Годъ, проведенный имъ въ новой обстановкѣ, не пропалъ да-ромъ. Добрыя стороны его существа развились и окрѣпли подъ вліяніемъ искренняго слова и дѣйственаго примѣра любящаго и неутомимаго учителя.

Мы съ Лино съ волненіемъ присутствовали при этой сценѣ. И на лицѣ „короля воровъ“, обыкновенно подернутомъ насыщенной гримасой, я подмѣтила выраженіе такой глубокой тоски, какого никогда до той минуты не видѣла.

Женщина спрятала за пазуху свертокъ, заключавшій въ себѣ навѣрное первый заработокъ Евгения, и слушала его разсказъ съ измѣнившимся лицомъ. Что-то въ родѣ нѣжности и заботы мелькнуло у нея въ глазахъ. По крайней мѣрѣ такъ показалось мнѣ, жадно ловившей проявленіе чувства на этомъ, словно каменномъ, лицѣ, измѣженномъ нуждой и усталостью.

Наступила пора разставаться. Мальчикъ поцѣловался съ матерью. Затѣмъ, нѣсколько нерѣшительно, женщина выступила впередъ. Неожиданно для меня, она схватила мою голову своими загрубѣлыми руками и крѣпко поцѣловала меня въ щеку. Это была ея благодарность.

Объ отцѣ не было произнесено ни слова. Евгений, простившись съ матерью, спѣшилъ выйти: слишкомъ много печальныхъ воспоминаній вызывала въ его памяти эта лачуга, гдѣ онъ столько выстрадалъ отъ голода.

Мои сношенія съ Лино продолжались. Мальчикъ то появлялся, то исчезалъ. Когда онъ обѣдалъ въ „кухнѣ“, я никогда не разспрашивала его, какъ онъ проводитъ время, а онъ самъ не заговаривалъ со мною объ этомъ.

Послѣ прѣѣзда Евгения въ его красивомъ костюмѣ моряка „кухня“ была наводнена толпой маленькихъ воришекъ. Всѣ они хотѣли поступить въ пловучую школу. Я была поставлена въ немалое затрудненіе... Но тотъ, кто былъ ближе всѣхъ моему сердцу, питалъ глубокое равнодушіе къ единственному пути спасенія, открывавшемуся передъ нимъ.

Нужно ли говорить, какъ обрадована была я, когда однажды ко мнѣ пришла женщина, заявившая безъ всякихъ предисловій:

— Я—мать Лино.

Она рассказала мнѣ, что теперь сынъ время отъ времени посещаетъ ее, чтобы поговорить обо мнѣ. Мальчикъ признался ей, что чувствуетъ себя совсѣмъ уничтоженнымъ моимъ отношеніемъ къ нему: что я—де предпочитаю, чтобы его забрали въ тюрьму, и не считаю достойнымъ поступленія въ пловучую школу.

Хотя я и опасалась, что, въ виду большого наплыва, профессоръ можетъ отвѣтить отказомъ, но все же написала и объ этомъ моемъ протежѣ, и мѣсто для него на старомъ суднѣ нашлось.

Въ первый же разъ, какъ мы встрѣтились послѣ того съ Лино, мы глубоко заглянули другъ другу въ глаза, и я прочла въ его взглядѣ нѣмую благодарность.

Ледѣть было сломанъ. Лино признался мнѣ, что давно уже задумалъ оставить эту жизнь, но все нехватало силъ разстаться съ птичей свободой. Арестъ Рико заставилъ его рѣшиться.

„Онъ постучитъ, пожалуй, въ пловучую школу. Но само собой разумѣется, что никто его силой тамъ не удержить, если новая жизнь ему не притягивается!“

Между тѣмъ, въ виду увеличенія числа учениковъ, профессоръ на этотъ разъ, кроме согласія матери, потребовалъ еще медицинское свидѣтельство.

Я послала Лино съ матерью къ сосѣднему врачу съ запиской, въ которой объяснила, зачѣмъ мнѣ нуженъ этотъ документъ.

Жду. Мальчикъ не возвращается. Начинаю волноваться, беспокоиться, какъ бы сожалѣніе о свободѣ, съ которой приходилось разстаться, не пересилило желанія поступить въ школу...

Наконецъ дверь открывается, и на порогѣ появляется Лино, блѣдный, какъ полотно.

— Докторъ сказалъ, что я не могуѣ ходить...

Дрожающими руками вскрываю письмо и читаю:

„Очень сожалѣю, что не могуѣ выдать просимое удостовѣреніе, но у мальчика парши на головѣ, и онъ можетъ быть принять лишь въ больницу, но отнюдь не въ школу.“

Долго я стояла съ письмомъ въ рукахъ, не будучи въ состояніи собраться съ мыслями.

— Ну, что жъ!—сказала я наконецъ, взявъ мальчика за руку.— Мы съ тобой пойдемъ въ госпиталь. Тебя тамъ будуть лѣчить, и, когда ты выздоровѣешь, профессоръ, конечно, приметъ тебя. Это только вопросъ времени — твоё поступленіе въ школу.

Паскалино неожиданно возмутился:

— А, нѣтъ! Не пойду я въ госпиталь! Хорошее тамъ лѣченіе, нечего сказать!

Я растерялась.

— Да, — продолжалъ онъ. — Сдернуть кожу съ головы — волосы и все...

Я попыталась подѣлствовать на его самолюбіе.

— Понимаю теперь, — сказала я: — почему ты никогда не снимашь шляпу. Тебѣ стыдно! Ты даже товарищамъ своимъ, должно быть, ничего не говоришь о своей болѣзни? А? Смотри однако, какъ бы не стать плѣшивымъ старикомъ въ пятнадцать лѣтъ. Тогда тебя ужъ прямъ запишутъ въ разрядъ неизлѣчимыхъ.

Мать стояла, ничего не понимая. На лицѣ мальчика отрази-

лось мучительное напряженіе, а глаза изъ-подъ нахмуренныхъ бровей метали искры.

— Ну, — возобновила я свои попытки: — ты такъ храбро переносишь и холодъ и голодъ, а теперь ведешь себя, какъ трусишка. Вѣдь если бы гангрена поразила твою руку — дѣлай бы ты ее отрѣзать... Вѣдь это необходимо! Я тебя не покину, буду все время съ тобою...

Мальчикъ, угрюмый и мрачный, ушелъ, не проронивъ ни слова. На другой день, вернувшись домой, я нашла его у себя.

Я просила его показать мнѣ голову, но онъ отказался.

— Послѣ, въ госпиталѣ, все равно увидите, — отвѣтилъ онъ тономъ, полнымъ унынія и стыда.

Не теряя времени, я повела его въ специальную лѣчебницу. Насъ провели въ лабораторію, заставленную столами съ микроскопами, за которыми сидѣли, согнувшись, врачи въ бѣлыхъ халатахъ.

Мальчикъ остановился на порогѣ и хмуро смотрѣлъ изъ-подъ своей, нахлобученной до самыхъ глазъ, шапки.

Старшій врачъ захотѣлъ осмотрѣть его голову. Послѣ нѣкотораго колебанія Лино рѣзкимъ движениемъ сорвалъ свою шапку и отвернулся отъ меня.

Я приблизилась.

Боже мой, — что я увидѣла на этой бѣдной головѣ!..

Струйка крови, стекавшая на лобъ, довершила мой ужасъ...

Врачъ вырвалъ пинцетомъ нѣсколько волосковъ, внимательно изслѣдовавъ ихъ подъ микроскопомъ и, потолковавъ съ коллегами, вернулся къ намъ:

— Болѣзнь сильно запущена. Лѣченіе должно продолжаться годъ, два года, можетъ-быть, даже больше. Парши — спутникъ нищеты — развиваются отъ нечистоплотности. Это — упорная зараза. Необходимо окончательно убить паразита, а онъ цѣлко хватается за свое существованіе. Обыкновенно думаютъ, что тщательнымъ и неусыпнымъ уходомъ можно окончательно побѣдить болѣзнь. Но это не вѣрно. Рано или поздно она снова появляется и становится еще упорнѣе, чѣмъ прежде...

Я чувствовала себя подавленной.

— Лѣченіе заключается въ наложеніи на голову больного, предварительно обритую и подготовленную размягчающими средствами, смоляного пластиря, — продолжалъ врачъ. — Когда онъ хорошо пристанетъ, сильнымъ и быстрымъ движениемъ сдираютъ эту смоляную шапку...

Я слушала, не вѣря ушамъ своимъ, и думала о томъ, какъ наука, такая милосердная по своимъ цѣлямъ, можетъ быть такъ жестока въ своихъ средствахъ. Этотъ методъ лѣченія казался мнѣ достойнымъ краснокожихъ, а не цивилизованной расы.

— Но, докторъ, это дѣлается по крайней мѣрѣ подъ наркозомъ?

О, нѣтъ, сударыня. Наркозъ мы припасаемъ для другихъ. Онъ стоитъ денегъ и беретъ много времени и труда у больничного персонала. Больныхъ же такое множество! Даже во многихъ, гораздо болѣе серьезныхъ, случаяхъ удается обходиться безъ применения наркоза.

Затѣмъ оказалось, что хотя мой протежѣ и не имѣеть определенного мѣста жительства, но въ госпиталь принять быть не можетъ. Только иногородные больные имѣютъ по правиламъ право на койку.

Тогда я предложила принять его въ качествѣ платнаго пациента, и это оказалось осуществимо.

Между тѣмъ Лино, снова надѣвшій свою шляпу, не теряль ни одного слова изъ нашего разговора. Онъ смотрѣлъ на насъ съ любопытствомъ и съ насыщеннымъ сожалѣніемъ.

Понявъ, что надо ковать желѣзо, пока горячо, я простилась съ врачомъ, обѣщавъ сдѣлать все необходимое.

Снова пошли по безконечнымъ коридорамъ, торопясь поскорѣе вырваться на волю и подышать свѣжимъ воздухомъ.

— Вы сумасшедшая! — воскликнулъ вдругъ Лино. — Хотите тратиться на такого, какъ я! Держите при себѣ ваши деньги. Я этого не желаю. Не хочу ни денегъ ни пластиря!

Я дала ему высказаться.

— Не хочу быть куклой въ рукахъ этого фокусника! А какъ вамъ нравится фельдшеръ, который въ мгновеніе ока сдираетъ кожу съ головы? Ну ужъ и потѣха всѣ эти профессоришки съ носами, уткнутыми въ зрительные трубки! Небось, при такой работе имъ не приходится по семи разъ на день мѣнять рубашки, мокрую отъ пота... Меня, видите ли, не могутъ принять: я — здѣшній, а принимаютъ только прѣїзжихъ! Хотѣть, чтобы эта тварь сѣла меня всего, безъ остатка...

Онъ посмотрѣлъ на меня съ непередаваемымъ выражениемъ:

— А хотите видѣть, какъ я умѣю удирать?

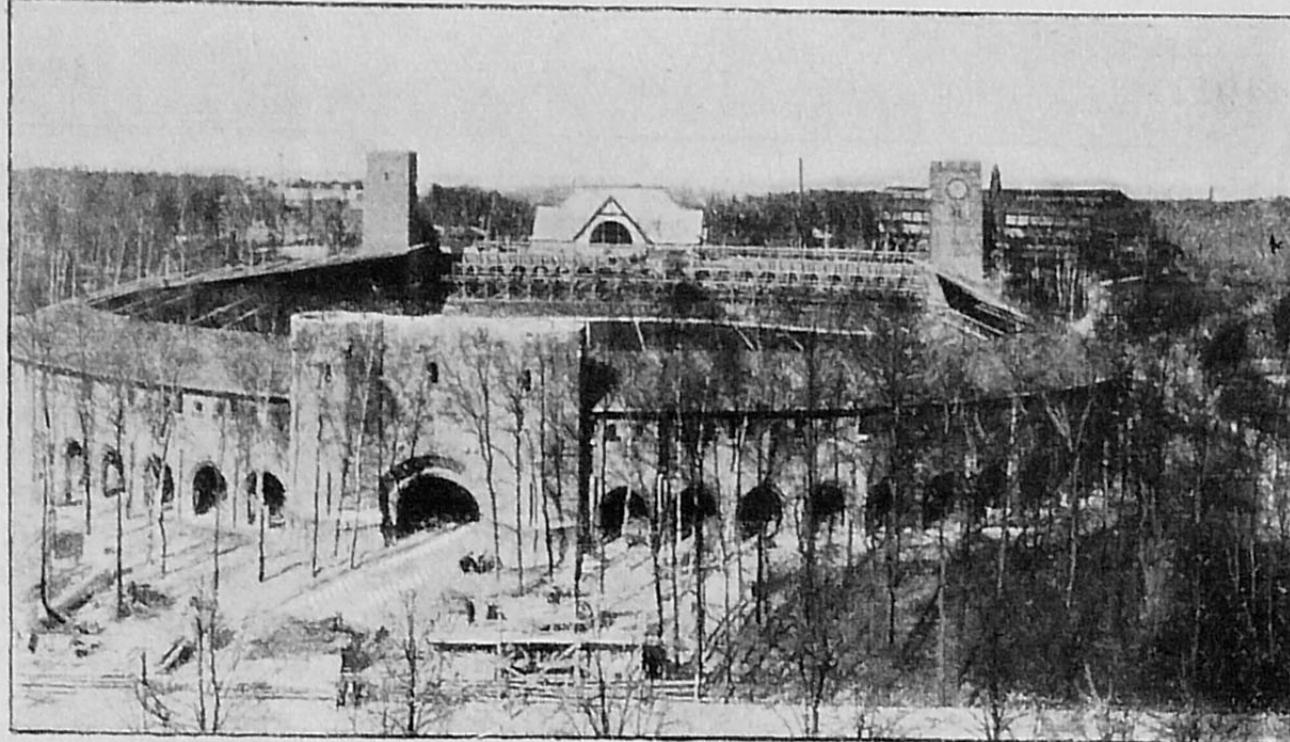
Онъ ускорилъ шагъ и черезъ минуту былъ уже далеко.

Прошло нѣсколько дней, и Лино снова заявилъ на „кухню“. Онъ рѣшилъ теперь отправиться въ Швейцарию, гдѣ, какъ онъ узналъ, можно достать работу на постройкѣ С.-Готардскаго туннеля.

Я сдѣлала еще одну попытку уговорить его лѣчиться:

— Прежде чѣмъ уѣзжать, хорошо бы тебѣ избавиться отъ твоей болѣзни. Какъ на тебя тамъ будутъ смотрѣть рабочіе? Вѣдь не сможешь же ты вѣчно носить шляпу на головѣ...

Я прибѣгла къ этому аргументу, какъ къ послѣднему средству. Къ моему великому удивленію, Лино выслушалъ меня безъ того

Общій видъ сооружаемаго стадіона.

Внутренній видъ стадіона.

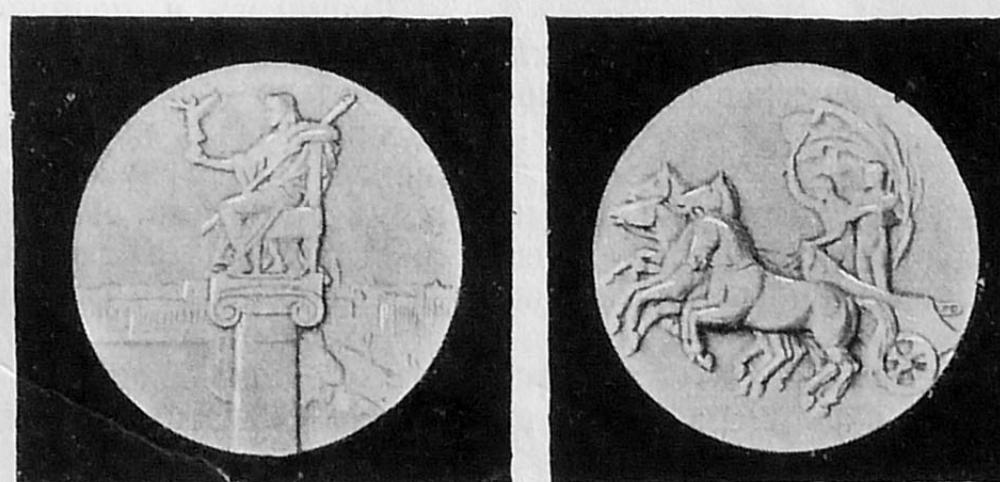
Переходящій призъ имени графини де-Каза Миранда (рожденной Христины Нильсонъ, известной шведской пѣвицы).

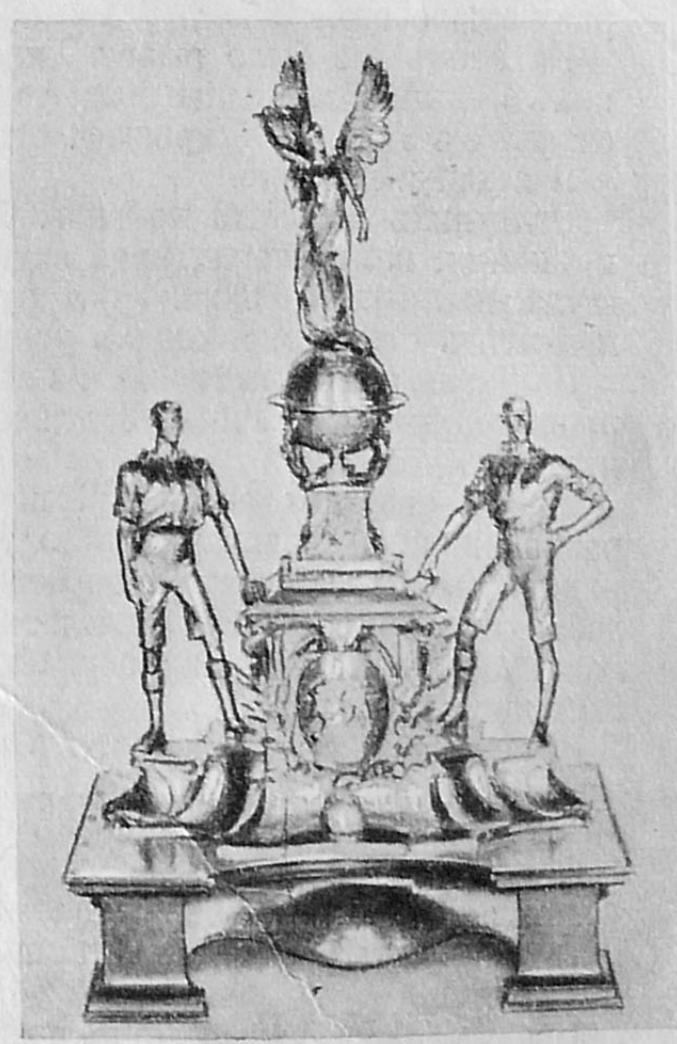
Переходящій призъ имени президента Французской республики.

Переходящій призъ барона Пьера де-Кубертена, инициатора Олимпійскихъ игръ, присуждаемый побѣдителю въ пятиборьѣ.

Медаль, учрежденная въ память Олимпійскихъ игръ.

Переходящій призъ „Англійской футбольной ассоціації“, присуждаемый командѣ-побѣдительницѣ въ состязаніи въ футболъ.

Олимпійскія ігри. 5-я Олимпіада въ Стокгольмѣ. (Съ 16 іюня по 13 іюля с. г.).

иронического презрения на лицо, которое казалось мне неподъемным со дня нашего визита в госпиталь.

Я постаралась воспользоваться благоприятным настроением мальчика, и скоро мне удалось окончательно убедить его. Одно он горячо отстаивал, так что мне пришлось в конец концов уступить: — он ни за что не хотел, чтобы я истратила четыреста франков на его „башку“.

Он согласен был посещать госпиталь в качестве приходящего и покорно подвергнуться первым стадиям лечения с условием, что в торжественный день операции с пластырем я должна быть возле него.

Гордая и счастливая своим успехом, я без колебаний обещала. Да и в чем могла бы я отказать ему?

Мне казалось, что Лино просить столь малаго... Я и не подозревала тогда, давая ему это обещание, что мне предстоит пережить одно из ужаснейших, мучительнейших, неизгладимых за всю жизнь, впечатлений. При одном воспоминании о видении меня охватывает дрожь, вызывая в душу ужас и жалость. Все существо мое возмущается против варварского метода лечения, и по сию пору пользующегося еще репутацией самого действительного.

В течение первых подготовительных стадий лечения, надоедливых, но не очень болезненных, мальчик был воплощением кротости и терпения. Приходя ко мне, он рассказывал все, что с ним проделывали, пересыпая свой рассказ характерными словечками, блещущими иронией. Я, не разъ присутствовавшая при его вспышках возмущения, думала: уж не грежу ли я? И так боялась, что вот-вот мой ретивый конь снова закусить удила и помчится без оглядки.

Торжественный день первого наложения пластиря наступил без инцидентов.

Мы отправились вместе в госпиталь. В большой зале много больных детей уже ждало своей очереди, — все в ужасных смоляных скользях, настоящие выходцы из Дантовского „Ада“.

Посередине на низком стул сидел фельдшер. Он поочереди ставил перед собой на колени маленьких пациентов, затем, ущемив голову ребенка между коленями, срывал ужасную черную скользь, — настоящий кровавый скользь.

Все это происходило удивительно быстро и легко.

Наше появление произвело впечатление на маленькую публику. Дети уставились на Лино, толкая друг друга локтями и перешептываясь.

Пока мы сидели в ожидании очереди, я заметила, что некоторые из них срывали друг у друга пластиры с головы, и подвергнувшись операции не выказывали особого страдания.

Наконец наступил чередь Лино. Мелюзга, не обращая внимания на окрики фельдшера, не хотела удалиться.

Перед ними должно было развернуться зрелище, слишком привлекательное, чтобы они могли от него отказаться: Лино был много старше их; к тому же его звание „атамана воришек“ не было для них тайной.

Они расположились вокруг фельдшера, вшившись в него глазами, горящими нетерпением и любопытством.

— Есть у тебя носовой платок? — спросил фельдшер у Лино. — Ну, ладно. Запихай его себе в рот и крепко стисни зубы, — это тебе поможет. Не бойся, я быстро сдѣлю свое дело.

Лино встал на колени перед фельдшером. Но при его росте стул оказался слишком низок. Стая ребятишек, как воробы, разсыпалась в поисках более высокого съедища.

Бѣдный „король воров“ стоял молча. Он был бледен. Поть выступила на лбу. Жестокое любопытство окружающих разражало его.

Наконец все было готово. Лицо мальчика исчезло в коленях фельдшера. Видны были только макушка головы в черной скользь да тѣло, колотившееся от дрожи.

Я затаила дыхание.

Наступил ужасный момент. Фельдшер ухватил пальцами, крѣпкими, как клещи, края скользи и, откинувшись на спинку стула, вытянул напряженные руки, и все мышцы лица его сократились от невѣроятных усилий.

Пациентился в тисках. Слышно было только тяжелое, прерывистое дыхание. Лица ребятишек стали серьезными. Я оледянилась от ужаса.

Вдруг раздался страшный вопль раненого звѣря. Два тѣла разъединились. Голова бѣдного Лино была сплошной кровавой раной. Лицо его, искаленное болью, не имѣло человѣческого подобія. Две крупные слезы медленно катились по щекам. Носовой платок валялся на полу, изорванный в клочья, испачканный кровью.

Искаженный страданием рот не издал больше ни звука. Но взглянуть, полный тоски, строгий и глубокий, был такъ пристально обращенъ на меня, что я не въ силахъ была вынести его.

Фельдшер съ видимым удовлетворением вытирая рукавомъ вспотѣвшій лобъ. Маленькие больные, помня, что и они подвергались этому жестокому испытанию, вполголоса обмѣнивались впечатлениями.

Палачъ, перевязывая Лино, утѣшалъ его:

— Ты — молодчина! Другое въ первый разъ ревутъ, какъ коровы... Да вѣдь крикомъ не поможешь. Отъ меня никто не вырвется... Нечего бояться. Въ первый-то разъ очень больно, но по-

томъ привыкаешь понемногу. Однако на этот разъ было-таки тяжеленько.

Я взяла мальчика за руку, и мы бѣжали изъ этого ужасного мѣста. И я клялась дорогой, что ни онъ ни я — мы больше не ступимъ туда ногой.

Вернувшись домой, я добыла медицинскіе учебники и лихорадочно перелистывала страницы, пока не нашла мѣста, где говорилось объ этой болѣзни. Внимательно прочла я предписанія, потолковала съ однимъ знакомымъ врачомъ и подъ его руководствомъ принялась сама за надлежащее лечение.

Нужно было выждать, пока позаживеть бѣдная голова, превращенная въ сплошную рану. Когда началъ образовываться отвратительный струпъ, покрытый множествомъ нарываовъ, я принялась за работу.

Каждое утро, вооружившись пинцетомъ, я вырывала подраставшие волосы. Мальчикъ молча и терпѣливо переносилъ пытку, повидимому, смирившись передъ неизбѣжнымъ. Зато я приходила въ отчаяніе: въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ лѣченіе, казалось, не приводило ни къ чему. Какой скандалъ вызвало мое решеніе помѣстить Лино у себя! Какой дружный хоръ протестовъ и упрековъ обрушился на меня!

Какъ! Держать въ домѣ вора, бродягу и, въ довершеніе всего, больного паршами!

Не только члены семьи, всѣ вплоть до прислуги выказывали мнѣ знаки своего осужденія.

Но взглядъ, брошенный на меня мальчикомъ въ день операции, проникъ мнѣ глубоко въ душу.

Я помѣстила его въ маленькой комнатѣ, смежной съ моей, и рекомендовала ему какъ можно меньше попадаться на глаза моимъ домашнимъ, чтобы не видѣть ихъ гrimасъ отвращенія.

Лино принялъ новыя условия своего существованія серьезный, замкнутый, такъ что даже во время ежегодныхъ операций у него не являлось прилива откровенности.

Въ остальномъ его поведеніе заслуживало наивысшей похвалы. Презрѣніе окружающихъ, казалось, совершенно не задѣвало его. Онъ не уклонялся отъ ежедневной операции, которая по времени должна была быть особенно болезненной, такъ какъ приходилось прибѣгать къ очень єдкимъ промываніямъ. Онъ подчинился, не выказывая нетерпѣнія, не задавая вопросовъ, когда же это все кончится.

Однажды врачъ, изслѣдовав голову больного, выказалъ желанную надежду на скорое выздоровленіе.

На другой день еще болѣе ревностно, чѣмъ всегда, я дѣлала промываніе и перевязку. Вдругъ я почувствовала на своей руки быстрый поцѣлуй.

Лино поднесъ мою руку къ губамъ и прошепталъ:

— Спасибо, мама!

Отъ неожиданности я не въ состояніи была вымолвить ни слова и продолжала свое дѣло, какъ-будто ничего не случилось.

Въ то время я занимала комнату съ окномъ въ садъ, изолированную отъ остальной квартиры. Къ ней примыкала комната, въ которой, словно узникъ, проводилъ почти все время бывшій „король воришекъ“.

Я одна составляла все его общество. Чтобы это своего рода заключеніе не слишкомъ тяготило его мятежную душу, я старалась проводить съ нимъ возможно больше времени. И безъ устали строили мы великолѣпные воздушные замки.

Любимой нашей общей грезой была греза объ убѣжищѣ для маленькихъ бродягъ.

На меня возлагалось обязательство достать средства. Лино бралъ на себя внутреннее устройство и сношенія съ посѣтителями.

Сыщиковъ и полицейскихъ рѣшено было и близко не подпускать.

Бортоло — одинъ изъ столповъ „Кухни для бѣдныхъ больныхъ“ — долженъ былъ получить почтенное званіе стража учрежденія. По вечерамъ всѣ служащіе „кухни“ должны были заниматься маленькими бродягами. Намъ предстояло также пріискать учителя, который обучалъ бы желающихъ послѣ обѣда. Но въ самой живой и увлекательной формѣ.

Помня о ночныхъ, проведенныхъ въ дуплѣ дерева у Porta tenaglia, Лино изощрялъ свою фантазію относительно ночлега:

Для каждого — отдельная постель! Съ матрасомъ и бѣлой простыней!

Боже, какое наслажденіе свернуться калачикомъ подъ одѣяломъ вмѣсто того, чтобы бродить наудачу въ поискахъ какого-нибудь защищенія отъ вѣтра и нескромныхъ взоровъ уголка — подъ заборомъ или въ нишѣ подъѣзда! И черезъ полчасика, когда тепло разольется по всему тѣлу, вытянуться, распрямить уставшіе члены вмѣсто того, чтобы, скрючившись, чувствовать мутильно, какъ пророгли они отъ холода, пронизанные сыростью и туманомъ!

Кромѣ удобной постели, Лино хотѣлъ еще, чтобы въ убѣжищѣ было хлѣба вдосталь, безъ счета.

Онъ самъ и его товарищи знали цѣну хорошему куску хлѣба, особенно, когда, запустивъ въ него зубы, можно мгновенно проглотить его, безъ думы о необходимости ограничивать себя, имѣя подъ рукой другой кусокъ, потомъ еще другой, пока не почувствуешь полнаго насыщенія.

Не мало заботъ и вниманія удѣлялъ Лино и больнымъ, — тѣмъ несчастнымъ, которые бродятъ по улицамъ съ ввалившимися

глазами, блѣдные, съ подгибающимися колѣнами, съ видомъ загнанныхъ, затравленныхъ животныхъ. Они падаютъ на улицѣ отъ изнеможенія, и ихъ оттаскиваютъ въ госпиталь, гдѣ они проводятъ цѣлыя недѣли, и никто-никто не навѣститъ ихъ даже за все это время!

Въ наше учрежденіе должны были имѣть доступъ вѣдь дѣти безъ крова. Всѣ, кто бы ни постучался и безъ всякихъ разспросовъ даже обѣ имѣни.

Самое же главное, чтобы никто не вздумалъ читать имъ проповѣди морали.

— *Hin tutt cialad!* (Это все ни къ чему не ведеть!) — заключалъ онъ на своеи діалектѣ.

Чтѣ касается имени убѣжища, Лино рѣшилъ назвать его весьма демократически: „Гостиница Сволочи“.

Въ то время въ одномъ журналь печатались записки Стэнли. Никогда не забуду того жадного любопытства и тревожнаго вниманія, съ какимъ Лино слѣдилъ за диковинными похожденіями англійскаго изслѣдователя. Усѣвшись на коврѣ у моихъ ногъ, мальчикъ не спускалъ съ меня глазъ. И отрадно было видѣть глубину и вдумчивость его взгляда и наблюдать смѣну выраженій на его нервной, подвижной физіономіи.

Все очарованіе „Гостиницы Сволочи“ меркло на время. Мальчикъ оставлялъ ее всецѣло на мое попеченіе, а самъ, привлеченный волшебнымъ призракомъ далекихъ странъ, отправлялся въ отважные путешествія. Далеко-далеко, чтобы, можетъ-быть, уже не вернуться назадъ, какъ и пропавшій безъ вѣсти отецъ.

Лино научился любить книгу и за время своего пребыванія у меня прочелъ ихъ множество. Только къ писанію испытывалъ онъ непреодолимое отвращеніе.

Мало-по-малу онъ сталъ помогать мнѣ въ дѣлахъ. Не разъ я давала ему разныя порученія, которыя онъ выполнялъ всегда въ точности. А дома ему случалось присутствовать при сценахъ — то трогательныхъ, то комическихъ, дѣйствующими лицами которыхъ почти всегда бывали бѣдняки.

Все это не проходило безслѣдно для него. Только домашніе мои не хотѣли замѣтить въ немъ никакой перемѣны и попрежнему косо смотрѣли на него. Но у него было достаточно самолюбія. Онъ и виду не показывалъ, что обращаетъ на это вниманіе, и ограничивался ревностнымъ выполненіемъ моихъ порученій.

Однажды я дала ему 500-франковый билетъ и просила заплатить по школьнѣмъ счетамъ.

Не скрою, что, когда онъ съ обычной ловкостью и быстротой началъ спускаться по лѣстницѣ, сердце у меня невольно єкнуло.

Олимпійскія игры въ Стокгольмѣ.

(Съ 7 рис. на стр. 395).

(Окончаніе).

Нужно отдать справедливость шведамъ: они не только стараются придать своимъ Олимпійскимъ играмъ характеръ особаго торжества — они хотятъ оставить отъ нихъ осязательный слѣдъ въ видѣ устройства грандозныхъ постоянныхъ учрежденій для физическаго развитія молодежи и для болѣе широкаго распространенія въ странѣ здороваго спорта.

Игры кончатся, состязавшіеся разъѣдутся, но въ Стокгольмѣ останется новое учрежденіе — нѣчто еще небывалое для шведской столицы: громадный, царственно-роскошный „стадіонъ“, выстроенный для „олимпійскихъ состязаній“, но долженствующій пережить ихъ и остаться въ Стокгольмѣ и на будущее время.

Стокгольмскій „стадіонъ“, это — настоящій дворецъ спорта: громадное зданіе, соперничающее по своей величинѣ съ античными стадіонами, но превосходящее ихъ по роскоши и удобству и по техническимъ приспособленіямъ. Шведскіе архитекторы пожелали придать этому дворцу спорта национальныя черты: онъ выстроенъ въ старинномъ скандинавскомъ стилѣ. „Международный“ характеръ пятой Олимпіады не смущилъ шведовъ: у себя дома они пожелали оставаться шведами и собираются принять своихъ гостей-атлетовъ въ стѣнахъ, какъ бы выросшихъ изъ нѣдра старой Швеціи со всѣми ея национальными характерными чертами и особенностями.

Красивое и оригинальное зданіе „стадіона“ предназначено въ будущемъ времени для спортивныхъ торжествъ, народныхъ собраний, грандозныхъ театральныхъ представлений и т. п. Въ немъ найдетъ для себя роскошное помѣщеніе все то, что относится къ физическому развитію въ странѣ.

Независимо отъ этого великколѣпнаго помѣщенія, въ которомъ участники пятой Олимпіады найдутъ болѣе, чѣмъ подходящее для себя помѣщеніе, весь Стокгольмъ, съ его островами, пирамидами и парками, представляетъ на рѣдкость удачное мѣсто для спортивныхъ состязаній, въ особенности такихъ, которые соединены съ водной стихіей. Въ Стокгольмѣ и въ обычное время водяной спортъ чрезвычайно распространенъ: по зеленоватой глади залива постоянно шныряютъ красивыя яхточки и моторныя лодки или проносятся длинныя, какъ игла, спортивнѣя лодки и байдарки. Постоянно (въ особенности въ теплую погоду) можно видѣть здѣсь пловцовъ. Шведы любятъ и умеютъ плавать и чувствуютъ себя, какъ рыба въ водѣ въ узкихъ проливахъ и заливчикахъ, прѣзывающихъ Стокгольмъ съ его окрестностями, и на громадномъ

Въ умѣ моемъ всплыли зловѣщія предсказанія домашнихъ, и на минуту я обвинила себя въ легкомыслии и неосторожности.

Бѣдный Лино! Какъ я была несправедлива! Онъ вернулся съ расписками, отдалъ сдачу до послѣдняго центезима и, развернувъ одинъ изъ счетовъ, показалъ мнѣ ошибку:

— Какіе жулики! Хотѣли замошенивать тридцать центезимовъ!

Прошло два года. Паскалино совершенно вылѣчился. Онъ за воевалъ мое полное довѣріе. Откровенный и искренній по натурѣ, онъ ни разу не былъ замѣченъ мною во лжи.

Встрѣчаясь изрѣдка со своими прежними товарищами, онъ всегда рассказывалъ мнѣ обѣ этомъ, даже когда не приходилось прибѣгнуть къ моей помощи, чтобы накормить или поддержать кого-либо изъ нихъ. О прошломъ мы говорили мало. При малѣйшемъ намекѣ лицо его затуманивалось, и я умолкала изъ уваженія къ его сдержанности.

Раза два онъ исчезалъ изъ дома, однажды на цѣлую недѣлю. Оказалось, что онъ провелъ ее у одного электротехника, присматриваясь къ дѣлу. Занятіе это ему понравилось, и онъ поступилъ въ ученье и сдѣлался хорошимъ мастеромъ.

Достигнувъ призывнаго возраста, онъ поступилъ на военную службу, послѣ чего снова взялся за работу. Наконецъ встрѣтился съ хорошей дѣвушкой и женился.

Заключеніе самое скромное.

Нѣть ничего скучнѣе, какъ рассказывать о честности, регулярномъ трудѣ, счастливомъ бракѣ... Исторія Лино кончена.

Впрочемъ, мнѣ хотѣлось бы еще однимъ, послѣднимъ штрихомъ завершить изображеніе бывшаго атамана воришекъ.

Недавно Лино и его жена зашли ко мнѣ. Было начало января, и я подумала, что они пришли по случаю Нового года. Причина ихъ визита, оказалось, была другая.

Ихъ счастье было неполно — недоставало дѣтей.

— Намъ нуженъ ребенокъ. У насъ нѣть своего, такъ мы хотѣли бы, чтобы вы нашли намъ. Мы его усыновимъ. Обѣщаешь вамъ, что ему будетъ хорошо у насъ, — сказала женщина.

— Если впослѣдствіи у насъ родится свой — они будутъ братьями! — добавилъ Паскалино.

Отъ переводчика.

Недавно въ Миланѣ упалъ воздушный проводъ трамвая и задѣлъ переходившаго улицу школьнаго. Видѣвшій это Паскалино бросился спасать ребенка и былъ убитъ на мѣстѣ электрическимъ токомъ.

Евгений въ настоящее время капельмейстеръ морского оркестра.

синемъ озерѣ, которое примыкаетъ къ Стокгольму съ другой стороны.

Самъ по себѣ Стокгольмъ чрезвычайно красивъ и живописенъ: великолѣпная набережная „Шеппброннъ“, прелестный „Дьюргорденъ“ (зоологіческій садъ), расположенный на живописномъ островѣ, масса каналовъ, заливовъ, острововъ съ красивыми виллами — все это придаетъ шведской столице жизнерадостный и оживленный характеръ и своеобразную красоту. Городъ и въ обычное время отличается большимъ оживленіемъ: улицы полны народа; пригородные поѣзда биткомъ набиты; красивые бѣлые пароходы, то и дѣло отчаливающіе и причаливающіе, чернѣютъ отъ массы пассажировъ. Легко представить, насколько усиливается оживленіе въ городѣ отъ притока „олимпійцевъ“ и поѣзителей игръ.

Но во всякомъ случаѣ для нынѣшнихъ поѣзителей шведской столицы наибольшей приманкой и предметомъ наиболѣе обостренного интереса является сама Олимпіада, возсоздающая классическую спортивную игры, значеніе коихъ для поднятія национального здоровья громадно...

Надо всѣми мѣрами распространять и насаждать и у насъ, въ Россіи, это прекрасное стремленіе къ выработкѣ здороваго духа въ здоровомъ тѣлѣ. Культъ физического воспитанія не только оздоровляетъ тѣло, не только повышаетъ его работоспособность, — онъ вноситъ закономѣрность и порядокъ и въ духовную сферу. Разумная дисциплина, неизбѣжная въ общественныхъ физическихъ состязаніяхъ и играхъ, развиваетъ привычку къ гармонической общей дѣятельности большими массами и пріучаетъ къ сознанію общественного интереса и общественного долга. Недаромъ въ англійскихъ школахъ общественные игры считаются обязательнымъ предметомъ занятій. Эти игры и забавы создаютъ изъ младыхъ англосаксовъ настоящихъ общественныхъ дѣятелей, съ твердымъ сознаніемъ долга и съ дисциплинированной въ общественныхъ интересахъ волей. Эти игры и забавы приводятъ къ такимъ проявленіямъ героизма и самопожертвованія, какими мы восхищались при чтеніи описанія гибели „Титаника“.

Каждый народъ долженъ заботиться о томъ, чтобы выработать у себя наибольшую сумму здоровья и силы. Только при наличности такихъ неустанныхъ заботъ нація идетъ впередъ и завоевываетъ прочное мѣсто на землѣ. Комитетъ олимпійскихъ игръ старается придать этимъ заботамъ международный характеръ.

Императрица Елизавета. Работы Каравакка.
(Собственность Пажеского корпуса).

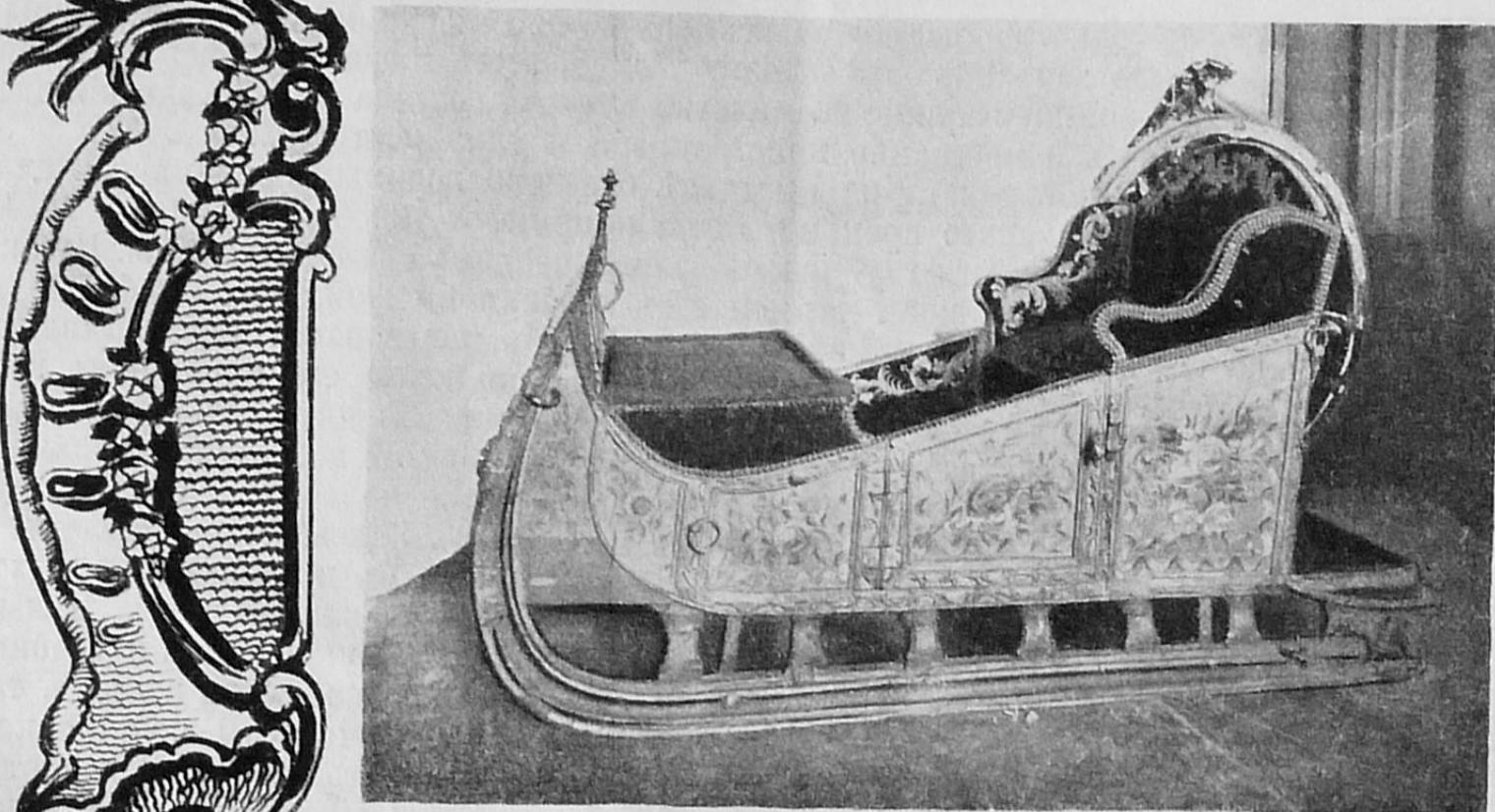

„Отецъ, российскаго краснорѣчія, безсмертный Ломоносовъ, показалъ въ Россіи первые опыты искусства мозаичнаго. Сей драгоценный памятникъ трудовъ его принесенъ въ даръ университету господиномъ коллежскимъ съѣтникомъ почетнымъ училищъ смотрителемъ Яковомъ Евграфовичемъ Арсеньевымъ 1824 года Августа 30 дня.“

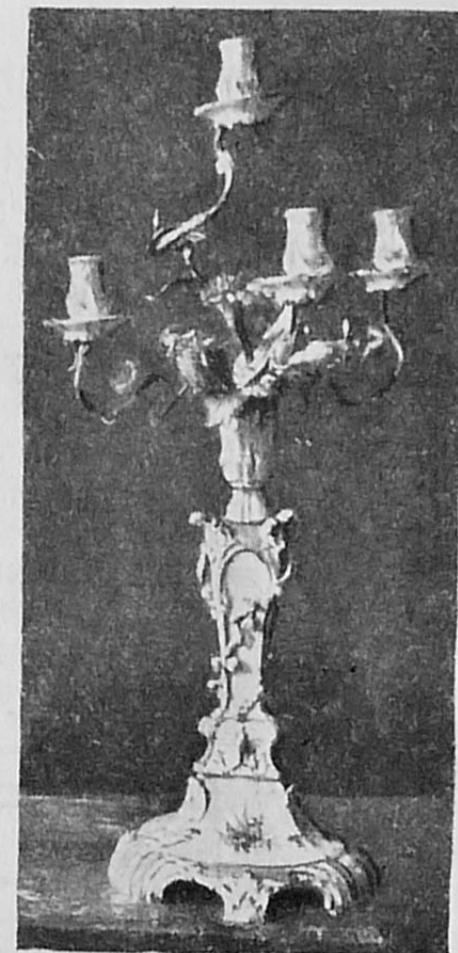

Ломоносовъ.

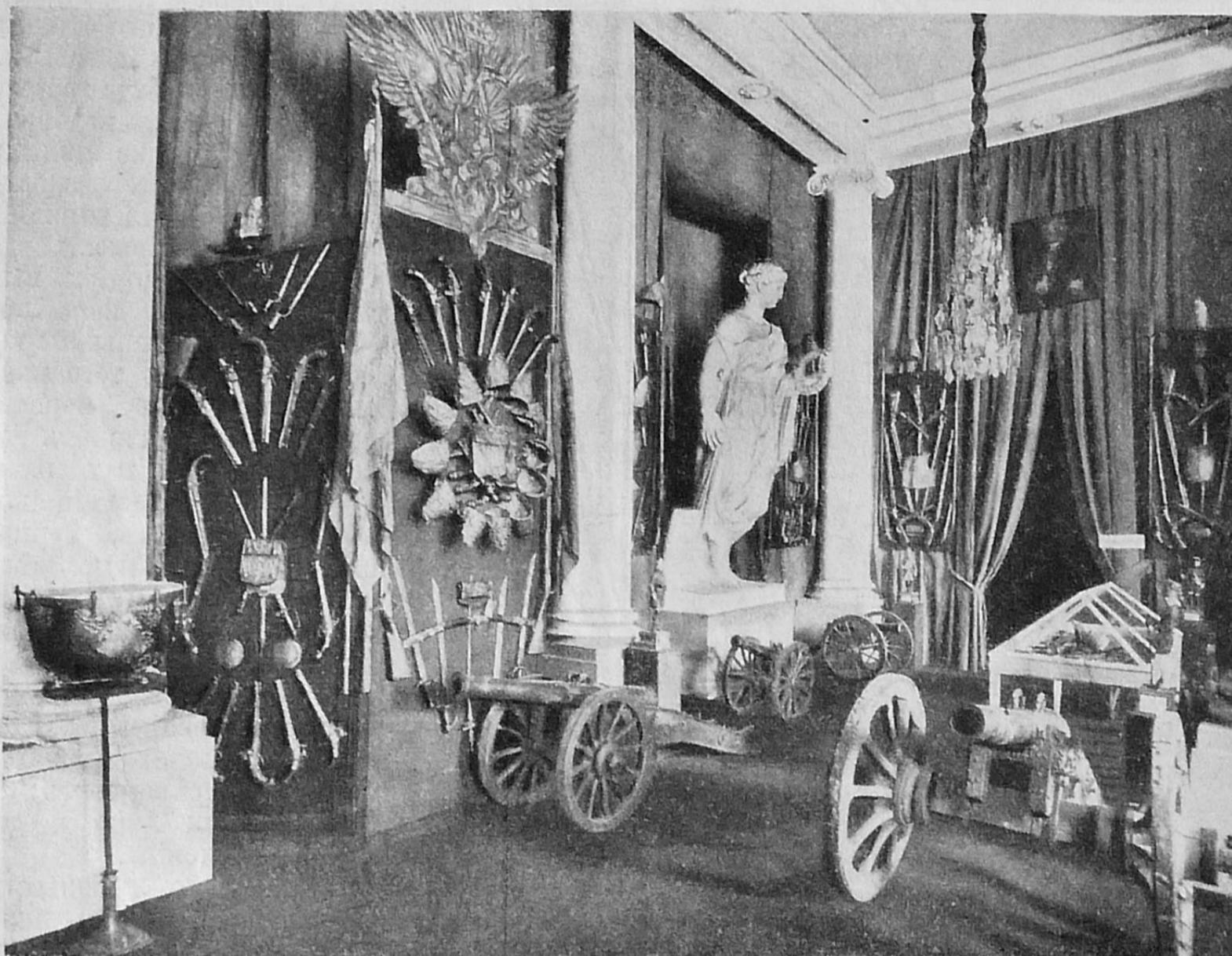
Графъ М. И. Воронцовъ.
Мозаика.

Сани Императрицы Елизаветы Петровны.

Канделябръ времень Императрицы Елизаветы Петровны.

Артиллерийский отдель.

Формы обмундированія временъ Императрицы Елизаветы Петровны.

Коронационное кресло Императрицы Елизаветы Петровны.

Памятникъ графинѣ Гессенъ-Гомбургской, рожд. кн. Трубецкой. Работа Пажу (собств. Акад. Художествъ).

Плащаница елисаветинского времени, доставленная изъ Самисоневского собора.

Выставка „Ломоносовъ и Елизаветинское время“ въ Императорской Академіи Художествъ.

Елисаветинская эпоха и Ломоносовъ.

(Съ 12 рис. на стр. 398 и 399).

Въ стѣнахъ Академіи Художествъ открылась чрезвычайно интересная выставка, знакомящая насъ съ цѣлой эпохой — съ тѣмъ временемъ, когда обновленная Петромъ Великимъ Россія начала завоевывать себѣ военную славу и мирное процвѣтаніе. Эта эпоха — періодъ царствованія императрицы Елисаветы Петровны и вмѣстѣ съ тѣмъ періодъ возникновенія русской научной мысли и русского геніального творчества, воплотившагося въ замѣчательномъ русскомъ человѣкѣ и сподвижнику императрицы Елисаветы, Михаилѣ Васильевичѣ Ломоносовѣ...

Двѣнадцать отдѣловъ выставки, размѣщенные въ великолѣпныхъ и декорированныхъ въ стилѣ того времени залахъ Академіи, даютъ яркую и пышную картину елисаветинского царствованія. Устроители выставки собрали здѣсь громадную коллекцію историческихъ реликвій, начиная отъ портретовъ императрицы Елисаветы, ея трона и ея парадной кареты и кончая предметами тогдашняго обиходнаго быта, видами тогдашнихъ русскихъ городовъ, портретами государственныхъ и общественныхъ дѣятелей того времени и безчисленными рукописями, грамотами и книгами елисаветинского времени...

Предъ зрителемъ возстаетъ шумный и блестящій вѣкъ Елисаветы — вѣкъ военной славы, пышныхъ придворныхъ увеселеній и изящнаго строительства и вѣкъ зарождавшейся на этомъ красивомъ и яркомъ фонѣ русской науки и государственности. Съ одной стороны, невольно бросается въ глаза нѣсколько легкомысленный характеръ этой эпохи, съ ея безконечными увеселеніями и фейерверками и маскарадами и съ 11.000 платьевъ императрицы; а съ другой стороны, нельзя не преклониться предъ наглядно выраженной и еще болѣе бросящейся въ глаза потребностью той эпохи въ образованіи, въ знаніи, — въ всякомъ знаніи, и теоретическомъ и прикладномъ, и въ наукахъ высшаго порядка, и въ военныхъ экзерциціяхъ, и въ морскомъ строительствѣ и плаваніи. Громадное количество всевозможныхъ руководствъ и учебниковъ, собранныхъ на выставкѣ, поражаетъ своимъ разнообразiemъ и строгой солидностью своего содержанія. Видно, что люди тогда учились не для диплома, а для дѣла... Ломоносовская наука представлена на выставкѣ съ почти исчерпывающей полнотою. Недаромъ Пушкинъ называлъ Ломоносова „нашимъ первымъ университетомъ“...

Сама императрица представлена на выставкѣ прекрасными портретами работы художниковъ Вишнякова, Каравака, Ванъ-Лоо, Токкѣ, Ротари и др. Есть портреты, изображающіе ее въ дѣтскомъ возрастѣ, затѣмъ въ отрочествѣ (прекрасный совмѣстный портрет императрицы Елисаветы съ ея сестрой, царевной Анной Петровной). Наконецъ имѣются и конные портреты императрицы въ любимомъ ею мужскомъ костюмѣ. Лучшимъ портретомъ считается портретъ работы Токкѣ.

Изъ обстановки, окружавшей императрицу, на выставкѣ имѣются кое-какія ея личныя вещи: табакерка, любимыя миниатюры, охотничье ружье, шапка, платье (одно изъ знаменитыхъ 11.000 платьевъ...) Особое вниманіе посѣтителя останавливаютъ великолѣпная карета императрицы Елисаветы (въ вестибюль выставки), ея сани и коронаціонное кресло. Карета производить впечатлѣніе настоящаго художественнаго произведенія: она вся позолоченная, съ дивной живописью и тонкой рѣзьбой. Менѣе эффектны сани императрицы и ея тронъ, — эти реликвіи сильно тронуты временемъ, потускнѣли, поблекли... Блестящій вѣкъ отлетѣлъ отъ нихъ.

Къ елисаветинской обстановкѣ слѣдуетъ отнести и декоративное убранство выставочныхъ залъ. Оно воспроизводить нѣкоторыя изъ залъ Царскосельскаго дворца, этого любимаго мѣстопребыванія императрицы Елисаветы, которая создала Царскосельскій дворецъ и постоянно пристраивала и украшала его...

Много мѣста на выставкѣ отведено военнымъ реликвіямъ елисаветинского времени. Вотъ, напримѣръ, изобрѣтенная гр. П. И. Шуваловымъ гаубица съ эллиптическимъ срѣзомъ камеры. Пушка эта, стрѣлявшая картечью съ особенной силой, сыграла большую роль въ семилѣтней войнѣ. Способъ пользованія ею составлялъ государственный секретъ, и за обнаруженіе его виновнымъ грозила смертная казнь... Не менѣе интересна двуствольная пушка, стрѣлявшая двумя, связанными одна съ другой, желѣзными палками.

Въ военномъ отдѣлѣ обращаютъ далѣе на себя вниманіе орудія, отвоеванныя у шведовъ и нѣмцевъ. Здѣсь же выставлены и интересные манекены лейбъ-кампанцевъ, съ помощью которыхъ, какъ известно, императрица Елисавета взошла на тронъ. Цѣлый рядъ руководствъ и учебниковъ знакомить насъ съ теоретической постановкой военного дѣла при Елисаветѣ. Здѣсь много курьезного: напримѣръ, способы опредѣленія „доброй“ и „худой“ селитры при изготавленіи пороха: „возми на языкъ мало селитры, и буде горька и солоновата, тогда недобра. Но буде на языке явитца остра со вкусомъ сладостнымъ и холодновато, то знаки суть селитры добрые...“

Въ морскомъ отдѣлѣ выставлены модели кораблей и шкунъ, манекены моряковъ въ формахъ того времени, старинные морские инструменты, квадрантъ Дэвиса, градштокъ и т. п. и громадная коллекція корабельныхъ картъ, журналовъ, руководствъ и пр. Здѣсь же развѣшаны портреты морскихъ дѣятелей елисаветинского времени: Кашкина Мордвинова, кн. Голицына, Чичагова и другихъ: тогдашніе мореходы наши плавали по сѣвернымъ морямъ, огибали Азію и доходили до Японіи...

Чрезвычайно любопытны выставленные въ верхніхъ залахъ выставки виды Петербурга и Москвы въ описываемую эпоху и виды нѣкоторыхъ провинціальныхъ городовъ. Насколько пышнѣ тогда былъ Петербургъ съ его зимними и лѣтними, новыми и старыми дворцами, „маскарадными домами“ и „театрами“, настолько была бѣдна и убога провинція.

Особое мѣсто на выставкѣ занимаетъ театральный отдѣлъ. Въ елисаветинскую эпоху впервые появился нашъ собственный русскій театръ, и Елисавета Петровна страстно любила театральныя представленія. Существуетъ разсказъ о томъ, какъ однажды ее „угощали представленіемъ“ учащіеся въ одномъ высшемъ духовномъ заведеніи, которое императрица осчастливила своимъ посѣщеніемъ. „Наставитель заведенія, вымысливъ всѣ роды отличного угощенія, приказалъ семинаристамъ повеселить государину театромъ“. Государыня охотно согласилась посмотретьъ „сѣе зрелице“, и семинаристы начали играть. Проходитъ часъ, два, три, наконецъ четыре часа, — представление все продолжается... Государыня спрашиваетъ: „Скорѣ ли піеса кончится?..“ „Управляющій“ отвѣчаетъ: „У насъ, Ваше Величество, представленія заготовлено на трое сутокъ, и мы не перестанемъ играть, доколѣ не прикажете..“

На описываемой выставкѣ имѣются портреты первыхъ русскихъ театральныхъ дѣятелей — Волкова и Дмитревскаго, рукописи Сумарокова, планы театровъ и т. п. Немалый интересъ представляютъ выставленные тамъ музыкальные рога. Роговая музыка въ тѣ времена пользовалась особыми симпатіями, и однимъ изъ тогдашнихъ „пітовъ“ было даже сочинено восторженное стихотвореніе „на изобрѣтеніе роговой музыки“...

Графъ С. С. Татищевъ, вновь назначенный начальникомъ Главнаго Управления по дѣламъ печати. По фот. Вальтмана въ Саратовѣ.

Въ концѣ длинной анфилады академическихъ залъ, въ угловой Екатерининской залѣ, устроена „комната Ломоносова“...

Здѣсь собрано все, что можно было собрать изъ реликвій, относящихся къ памяти великаго русскаго ученаго и поэта. „Быстрый разумомъ“ русскій „Невтонъ“ представленъ здѣсь громаднымъ количествомъ портретовъ. Средину залы занимаютъ научные инструменты, принадлежавшіе Ломоносову: телескопъ, астролябія и пр. Здѣсь же выставленъ великолѣпный металлический глобусъ, поднесенный Академіей Наукъ императрицѣ Елизаветѣ.

Особый интересъ представляютъ рукописи Ломоносова, его корректуры, его прошенія и дѣловыя бумаги, а также и первыя по времени изданія его сочиненія.

Здѣсь имѣется и паспортъ, выданный Ломоносову изъ Марбургскаго университета, и его рапортъ изъ Марбурга въ Академію обѣ израсходованіи денегъ, и тутъ же первый стихотворный опытъ — „Ода на взятіе Хотина“, — великий литературный памятникъ, съ котораго началась исторія новой русской словесности. Въ уголкѣ витрины скромно пріотились простенькие часы „луковицей“ — часы Ломоносова.

А далѣе рукопись: „О, ты, что въ горести напрасно на Бога ропещешь, человѣкъ“... Затѣмъ отрывокъ изъ грамматики: „О глаголѣ“ (тоже рукопись). „Глаголы раздѣляются на первообразные и производные“. Еще далѣе — „Планъ лекцій при университѣтѣ“, — планъ, къ сожалѣнію, не осуществленный. А вотъ и памятникъ того бѣдственнаго положенія, въ которомъ слишкомъ часто оказывался великий русскій ученый: Ломоносовъ „нижайше“ доносить Академіи, что ему не выдаютъ жалованья: „Почти за цѣлый годъ я, нижайший, жалованья изъ Академіи не получалъ и оттого пришелъ въ крайнюю скучность. А нынѣ я, нижайший, нахожусь боленъ и притомъ не токмо ленарствъ, но и дневной пищи себѣ купить неимѣю и денегъ взаймы достать нигдѣ не могу“...

Чрезвычайно интересны образцы мозаичныхъ работъ Ломоносова: онѣ такъ художественны и изящны, что просто не вѣрится, что все это дѣжалось на зарѣ русскаго искусства.

Ломоносовскіе документы заканчиваются краткимъ донесеніемъ жены Ломоносова: „Онѣй мужъ мой сего апрѣля 4 числа волею Божіе умре“. А далѣе мы находимъ обстоятельную родословную Ломоносова, въ которой встрѣчаемъ фамиліи кн. Волконскихъ, гр. Ностицъ, Кочубеевъ, Орловыхъ и Ершовыхъ.

Изъ ломоносовскихъ книгъ, собранныхъ здѣсь, обращаетъ на себя вниманіе полное собраніе его сочиненій: „Покойнаго статскаго совѣтника и профессора, Михайлъ Васильевичъ Ломоносова, собраніе разныхъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ“. И тутъ же подписной билетъ на полученіе этихъ сочиненій, цѣною въ 12 рублей. Еще интереснѣе экземпляръ „Россійской исторіи“, сочиненной „статскимъ совѣтникомъ, Михайлой Васильевичемъ Ломоносовымъ, профессоромъ хими“.

Такова эта интересная выставка. Она устроена съ большой любовью къ нашему прошлому и съ большими знаніемъ дѣла и художественнымъ вкусомъ. Побыть на ней, окунуться съ головой въ это красивое и такое мощное по творческой энергіи прошлое, провести часъ-другой въ общеніи съ великими умами и образами прошлага — большое наслажденіе. И при томъ наслажденіе поучительное: эта выставка учить насъ съ уваженіемъ относиться къ нашимъ великимъ предкамъ, которые съ рѣдкимъ и завиднымъ трудолюбіемъ устраивали Русское государство и русскую жизнь и неустанно пріобщали къ культурѣ и къ художественной красотѣ бѣдную, сѣрую и грубую до-петровскую жизнь.

Высокопреосвященный Антоній, митрополитъ с.-петербургскій и ладожскій. (Портр. на этой стр.).

3 мая с. г. исполнилось 25-лѣтіе епископскаго служенія митрополита с.-петербургскаго и ладожскаго, высокопреосвященнаго Антонія.

Въ кругахъ духовенства и среди православнаго населенія петербургской епархіи митрополитъ Антоній пользуется глубокой любовью и уваженіемъ, какъ одинъ изъ рѣдкихъ истинныхъ пастырей духа, исполненный искренней любви и благоволенія къ людямъ, неизмѣнно ровный и мягкий въ обращеніи.

Высокопреосвященный Антоній, въ мірѣ Александръ Васильевичъ Вадковскій, родился въ 1846 году въ Тамбовской губерніи. Получивъ первоначальное образование въ Тамбовской духовной семинаріи, онъ поступилъ затѣмъ въ Казанскую духовную академію, где окончилъ въ 1870 году курсъ и былъ оставленъ доцентомъ при академіи.

Въ 1883 году владыка принялъ монашество и рукоположился въ іеромонаха и въ этомъ же году онъ, уже въ санѣ архимандрита, былъ назначенъ завѣдующимъ Іоанновскимъ монастыремъ въ Казани.

Спустя четыре года, въ 1887 году, въ жизни высокопреосвященнаго Антонія произошла важная перемѣна: уже будучи къ этому времени ректоромъ Петербургской духовной академіи, онъ былъ возведенъ впервые въ епископскій санъ и получилъ въ свое

управление только что образованную тогда епархію финляндскую.

Въ 1898 году послѣ кончины петербургскаго митрополита Палладія состоялось возведеніе архіепископа Антонія въ санъ митрополита. И съ того времени и донынѣ высокопреосвященный владыка пребываетъ въ этомъ санѣ, неся нелегкій и ответственный трудъ высшаго правителя въ средѣ петербургскаго духовенства.

Въ 1900 году митрополитъ Антоній былъ назначенъ первоприсутствующимъ въ Св. Синодѣ, а въ 1906 году избранъ членомъ Государственного Совѣта, но потомъ былъ освобожденъ отъ этого званія по болѣзни.

Высокопреосвященный Антоній является авторомъ многочисленныхъ трудовъ по богословію, признаваемыхъ весьма замѣчательными. Въ 1895 году высокопреосвященный былъ призванъ достойнымъ степеніи доктора богословія за совокупность его трудовъ.

3 мая с. г. состоялось торжественное чествованіе владыки его почитателями. Въ покояхъ юбиляра собрались митрополиты московскій и кievскій, члены Св. Синода и другія высокопоставленныя лица и принесли ему поздравленія. Чествованіе высокочтимаго пастыря носило торжественный и вмѣстѣ съ тѣмъ сер-

дечный характеръ, показавъ на дѣлѣ, какой любовью пользуется высокопреосвященный Антоній во вѣренной ему митрополіи.

Конституціоннія осложненія въ Германії.

(Политическое обозрѣніе).

Послѣднее путешествіе германскаго императора въ Страсбургъ ознаменовалось очень непріятнымъ эпизодомъ. Раздраженный оппозиціоннымъ тономъ мѣстныхъ дѣятелей, высокій гость не удержался отъ угрозы по адресу всей Эльзасъ-Лотарингіи. Смыслъ его обращенія былъ таковъ, что до сихъ поръ эльзасъ-лотарингское населеніе знало германцевъ только съ хорошей стороны, но неблагодарность за всѣ уступки и послабленія, сдѣянныя побѣдителями 1870 года, можетъ вынудить ихъ показать на дѣлѣ и свои худыя стороны — повести къ отмѣнѣ еще такъ недавно дарованной автономіи и къ присоединенію упорно фронтирующихъ областей къ Пруссіи.

Сердитыя слова императора Вильгельма оскорбили не только страсбургцевъ, но и германскихъ гражданъ. Члены рейхстага вѣрють въ свои конституціонныя права и въ права пославшихъ ихъ гражданъ и потому не могли уклониться отъ оѣнки страсбургскаго выступленія съ чисто конституціонной точки зренія. Такъ какъ автономія Эльзасъ-Лотарингіи, какъ помнить наши читатели, проведена законодательнымъ путемъ при участіи рейхстага, какъ высшаго законодательнаго органа, а не император-

Высокопреосвященный Антоній, митрополитъ с.-петербургскій и ладожскій (по поводу 25-лѣтія епископскаго служенія).

По фот. А. Деньера.

скимъ указомъ, то и упразднена она можетъ быть не иначе, какъ при согласіи того же законодательного учрежденія, съ согласіемъ и одобреніемъ избранныхъ представителей всего германского народа. При такихъ условіяхъ императоръ не могъ бы безъ нарушенія основныхъ конституціонныхъ законовъ страны привести въ исполненіе свою угрозу: провозглашенное императорскимъ указомъ упраздненіе эльзасъ-лотарингской автономіи явилось бы въ то же время и фактическимъ упраздненіемъ всей германской конституції. Весьма понятно, что по этимъ причинамъ горячая обмолвка слишкомъ экспансивнаго вѣнценоснаго оратора вызвала несравненно больший шумъ въ Берлинѣ, чѣмъ даже въ Страсбургѣ. Въ качествѣ главнаго защитника германской конституції выступилъ представитель наиболѣе многочисленной фракціи рейхстага, соціаль-демократъ Шейдеманъ, который недавно былъ избранъ вице-президентомъ рейхстага. Рѣчь его представляетъ образецъ спокойной иронической критики всей внутренней политики нынѣшняго канцлера. Ораторъ началъ съ того, что въ политикѣ нѣть благодарности, но тѣмъ не менѣе канцлеръ Бетманъ-Гольвегъ вполнѣ заслуживалъ бы благодарность соціаль-демократовъ, такъ какъ въ его правленіе партия получила $4^{1/2}$ миллиона голосовъ и 110 мандатовъ, и если онъ все-таки не питаетъ къ главѣ правительства никакой благодарности, то лишь въ силу того, что результаты его политики совершенно противоположны его намѣреніямъ. Политика канцлера приспособляется къ шаткому и переходному положенію, которое не можетъ длиться вѣчно. Система личнаго режима, стоящая въ противорѣчіи съ ощущеніями и желаніями всего народа, наконунѣ гибели. Народъ требуетъ отъ рейхстага, чтобы послѣдній обеспечилъ себѣ соотвѣтствующее положеніе, а если нужно—то и завоевалъ его. Съ бессиліемъ рейхстага должно быть покончено. Нельзя унижать себя резолюціями, не имѣющими послѣдствій. Или нужно уступить мѣсто рѣшительнымъ людямъ, которые по китайскому образцу установятъ въ Пруссіи-Германіи государственный строй, достойный нашего времени. Никто въ Германіи не вѣритъ, чтобы существующій режимъ былъ проченъ. Въ политикѣ ведется вѣромомная игра. Какъ типичный случай, Шейдеманъ и приводить эльзасъ-лотарингскую исторію.

Въ рѣчи императора онъ привѣтствуетъ важное признаніе, сдѣланное компетентнымъ лицомъ, что присоединеніемъ къ Пруссіи можно угрожать, какъ величайшимъ наказаніемъ. Это такое же наказаніе, какъ арестантскія отдѣленія съ лишеніемъ правъ. (Правые протестуютъ: графъ Вестарпъ кричитъ: „пфуй!“ Шейдеманъ, обращаясь къ Вестарпу, говоритъ: „графъ, ваше счастье, что вы не соціаль-демократъ и не сидите въ прусскомъ ландтагѣ!“ Смѣхъ). Присоединеніе къ Пруссіи—это, очевидно, то же, что переворотъ въ разрядъ штрафованныхъ. Прусское подданство, это—низшая ступень германского подданства. Эти слова вызываютъ невѣроятный шумъ. Консерваторы требуютъ, чтобы ораторъ былъ призванъ къ порядку, что Кэмпфъ и дѣлаетъ. Шумъ и протесты справа продолжаются. Бетманъ-Гольвегъ встаетъ, дѣлаетъ знакъ другимъ представителямъ правительства и уходитъ, сопровождаемый остальными министрами. Въ дальнѣйшей рѣчи ораторъ обращается съ вопросами къ пустующему креслу канцлера. Шейдеманъ, продолжая рѣчь, говоритъ, что одинъ изъ факторовъ законодательства—корона, не спросившись двухъ другихъ факторовъ—рейхстага и союзного совѣта, безъ которыхъ онъ ничего сдѣлать не можетъ, выступилъ съ угрозами. Для успокоенія населенія, взволнованнаго безответственными высту-

пленіями, ораторъ заявляетъ, что рейхстагъ не приметъ участія въ осуществлении угрозы. Солидарны съ рейхстагомъ въ этомъ вопросѣ будутъ и представители южныхъ государствъ Германіи въ союзномъ совѣтѣ. Такія выступленія, не сообразованныя съ прямыми требованіями конституції, выходящія изъ рамокъ дѣйствующаго закона и вносящія въ дѣятельность правительственныхъ органовъ беспорядочный хаосъ, а въ жизнь страны—тревогу, растерянность и неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ,—переживаются крайне тяжело. Такимъ вещамъ долженъ быть положенъ предѣлъ усиленіемъ парламента и завоеваніемъ свободнаго избирательного права для Пруссіи.

Въ этой рѣчи нашло свое выраженіе не одно только личное мнѣніе оратора. Онъ говорилъ не отъ себя, но отъ имени цѣлой партіи, за спину которой стоять почти пять миллионовъ избирателей и сочувствіе всего народа. При такихъ условіяхъ нельзя видѣть въ страсбургскомъ выступленіи только ничтожный эпизодъ. Онъ знаменуетъ собою начало серьезной внутренней борьбы за конституціонную начальницу и возвращаетъ современную Германію къ положенію, пережитому ею въ 1848 году.

Къ рисункамъ.

...Онъ стоитъ передъ нею, смущенный и безмолвный, не находя словъ, не зная, куда дѣваться отъ волненія... Она смеется: ей любо глядѣть на этого красиваго и статнаго юношу, такого сильнаго и смѣлаго съ другими и такого робкаго и застѣнчиваго съ нею. А онъ не видѣтъ въ ея смеющихся глазахъ ничего, кроме насмѣшки, и еще болѣе смущается и въ отчаяніи думаетъ, что все погибло, и что „безумная“ любовь его не встрѣтить отвѣта... Эта милая идиллія живо и красivo передана нѣмецкимъ художникомъ Г. Зеегеромъ въ его картинѣ „Встрѣча“.

„Милосердный самарянинъ“ И. Обера—талантливая и экспрессивная иллюстрація къ трогательному біблейскому тексту. И здѣсь тоже изображена встрѣча, но проникнутая совсѣмъ иной любовью: той любовью, которая вся основана на Христовой заповѣди „Люби ближняго, какъ самого себя“ и которая рождена состраданіемъ и милосердіемъ.

Рядъ рисунковъ, воспроизведеній нами далѣе, знакомить читателей съ послѣдней выставкой товарищества „Независимыхъ“. Видное мѣсто среди этихъ рисунковъ занимаетъ портретный жанръ: таковы произведения Е. Малишевской — „Портретъ Н. Н. М.“, А. Вахрамѣева — „Рисунокъ“, А. Титова — „Въ деревнѣ“, М. Соколова — „Портретъ і-на В. О. С.“ и А. Любимова — „Бандуристъ“ и „Этюдъ“. Картины И. Суханова („Каменецъ-Подольскъ“) и М. Демьянова („Венеціанская барки“) знакомятъ насъ съ живописными руинами старинной крѣпости въ Каменецъ-Подольскѣ и съ меланхолическими каналами „царицы морей“—Венециі.

„Въ мастерской“ И. Грабовскаго—уютный „interieur“; въ окна глядѣть тусклый петербургскій день, но у обитателей этого „interieur“ бодрое и жизнерадостное настроеніе, и кажется, что улыбка молоденькой дѣвушки освѣщаетъ все вокругъ.

Рисунокъ А. Аѳанасьевъ „Вѣдь пыши жъ поперекъ утки“ является оригинальной и талантливой иллюстраціей къ известному стихотворенію гр. Алексѣя Толстого.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

По условіямъ разсрочки подписной платы за „Ниву“ сего 1912 г., къ 1 июня слѣдуетъ внести **не менѣе 6 руб.** Гг. подписчики, уплатившіе менѣе указанной выше суммы, благоволятъ поэтому озаботиться **немедленною присылкою** слѣдующаго взноса. При высылкѣ денегъ гг. иногородные подписчики благоволятъ обозначать на видномъ мѣстѣ №. печатнаго адреса съ бандероли или прилагать **самый адресъ**. При **перемѣнѣ адреса** слѣдуетъ прилагать **28 к.** почтов. марками и печатный адресъ.

Содержаніе. ТЕКСТЪ: Избалованный. Веселая повѣсть въ духѣ времени. Ал. Лугового. (Продолженіе).—„Мои воришки“. Изъ жизни подонковъ Милана. Рассказъ А. Равицъ. Переводъ съ итальянскаго В. Владнева. (Окончаніе).—Олимпійскія игры въ Стокгольмѣ (Окончаніе).—Елизаветинская эпоха и Ломоносовъ.—Высокопреосвященный Антоній, митрополитъ с.-петербургскій и ладожскій.—Конституціонная осложненія въ Германіи (Политическое обозрѣніе).—Къ рисункамъ.—Заявленіе.—Объявленія.

РИСУНКИ: Встрѣча.—II Выставка картинъ Товарищества „Независимыхъ“ (11 рисунковъ).—Милосердный самарянинъ.—Олимпійскія игры. 5-я Олимпіада въ Стокгольмѣ (7 рисунковъ).—Выставка „Ломоносовъ и Елизаветинское время“ въ Императорской Академіи Художествъ (12 рисунковъ).—Графъ С. С. Татищевъ.—Высокопреосвященный Антоній, митрополитъ с.-петербургскій и ладожскій.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій А. А. Фета“ кн. 3.

Редакторъ-Изд. Л. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Маркса, Измайл. просп., № 29.

Изд. Т-ва А. Ф. Маркса, СПБ., улица Гоголя (М. Морская), № 22.